

Самозванец по особому поручению

Автор:

Антон Демченко

Самозванец по особому поручению

Антон Витальевич Демченко

ХольмградХольмградские истории #2

Жизнь на Руси Хольмградской плавна и нетороплива... но только не для Виталия Старицкого. Вокруг него все время что-то происходит. Казалось бы, какие проблемы могут быть у заштатного чиновника, в чью обязанность входит лишь боевая подготовка охранителей Особой Канцелярии? Ан нет... Стоило только Виталию Родионовичу расслабиться и помечтать о морском круизе в медовый месяц, как приключения посыпались на него как из рога изобилия... Сглазил, наверное.

Антон Демченко

Самозванец по особому поручению

Пролог

Всё зло от них... Вот точно говорю. Если в жизни происходит какая-то пакость, то без женщины дело точно не обошлось. Проверено на личном опыте. Нет, ну в самом деле... Вот как я на жертвеннике оказался? Правильно, дура одна, дочка влиятельного человека, подсуропила. Да и здесь меня уже два раза захватить пытались, и опять без участия женщины не обошлось... Так мне же еще и пришлось эту исследовательницу из «плена» вытаскивать. Мрак, в общем. Ну да,

кто бы сомневался? С моим-то везением, иначе и быть не могло...

Часть 1

Глава 1

Приятные хлопоты... оксюморон

На прошлой неделе мой будущий тесть отправился, как он выразился, «принимать корабль». Случилось это через месяц после нашего бурного знакомства, когда я, как новый владелец, получил банковским телеграфом счет из Гельсингфорса за обслуживание и стоянку «Варяга» в порту... Вот что мешало Бусу сбежать в январе, а? Оплатил бы счет и бежал... так нет, мне теперь придется раскошелиться за стоянку. Тысяча триста рублей за год, между прочим, и плевать, что серебром в два раза меньше получается... Всё равно много. Вот кстати, и Важен Рагнарлович Белов, тесть будущий, со мной согласился. Минут двадцать белугой ревел, когда сумму узнал, потом еще два дня смурной ходил, волком зыркая... морским, понятное дело. А в конце концов плюнул и, требуя с меня капитанские полномочия, отправился за билетами на вокзал.

Честно, провожая своего будущего родственника, я с завистью вздохнул. Вот ведь, человек при любимом деле будет... а мне здесь крутиться, к свадьбе готовиться. Мрак! Из-за грядущего события дом уже превратился в нечто среднее между штабом воюющей армии и ателье модной одежды, так меня же еще и заставляли во всем этом участвовать. Хорошо еще от выбора тканей для нарядов удалось отвертеться, переложив это бремя на Ладу и телепневского портного, а подбор блюд и поваров, которые займутся их приготовлением, я свалил на Лейфа. Но ведь помимо этого оставалось еще с полсотни нерешенных вопросов. От состава гостей и места проведения пира до набора экипажей и поисков храма, в котором будет проходить венчание... и еще, еще, еще... Жуть и ужас.

При всем при том тот же профессор Грац лишь улыбнулся, услышав однажды мои возмущения.

– Виталий Родионович, друг мой, радуйтесь! Радуйтесь, говорю я вам. Счастье еще, что старый Важен согласился на городской обряд[1 - Городской свадебный обряд — упрощенное по сравнению с традиционными, действо, получившее свое название с распространением в городской среде так называемой, «малой семьи»]. Не то вам пришлось бы куда как худо, уж поверьте знающему человеку. Супруга моя, Людмила Карловна, царствие ей небесное, тоже была из ушкуйной семьи, так верите ли, свадьбу начали за год готовить, а уж сам обряд, и вовсе на неделю затянулся. Так что, повторяю вам, Виталий Родионович, радуйтесь.

Ага. Порадуешься тут. Свадьба назначена на конец апреля, а в доме суета такая, что кажется, завтра уже в церковь идти! Да еще и сама Лада нервничает, словно все никак решить не может: сейчас убиться или еще немного погодить. Хорошо еще, что большую часть дня я провожу в канцелярии, или у волжских купцов... или еще где-нибудь, а то б давно сорвался.

Кстати о купцах! Сегодня, наконец, Самуил Иосифович, ушлый хазарин-новгородец, с которым свел меня адъютант князя Телепнева, ротмистр Толстоватый, обещал устроить мне встречу с прибывшим в Хольмград мастером, из тех, что ладят «пароходы» на Волге. Но это будет ближе к вечеру, а сейчас надо выбираться из дома, пока мне еще какого-нибудь занятия по подготовке к свадьбе не нашли.

Поднявшись с постели я, в темпе вальса привел себя в порядок, надел приготовленный с вечера заботливой Ладой костюм... почему-то без пиджака... и двинулся на выход. Как я и ожидал, глянув с галереи вниз, несмотря на довольно раннее время, в гостиной уже творился сущий бедлам. По всем возможным горизонтальным поверхностям комнаты в полном беспорядке разложены альбомы, образцы тканей и какая-то вовсе непонятная мне чепуха, а присутствующая здесь же Лада уже увлеченно щебечет о чем-то с парой добровольных помощниц из числа соседских барышень. Правда, увидев меня, она тут же поднялась с кресла.

– Доброе утро, дамы, – спускаясь по лестнице, уже привычно проговорил я, чуть склонив голову. Ну да, они же здесь чуть ли не каждый день торчат. Успел привыкнуть.

– Здравствуйте, – в унисон пропели барышни.

– Как попивалось, Виталий Родионович? – Улыбнулась Лада.

– Благодарю, Лада Баженовна, прекрасно. – Сдерживая ответную улыбку, кивнул я, ступая на ковер гостиной. Спектакль! Эти девицы прекрасно знают, что мы с Ладой делим постель, однако... приличия требуют, чтоб их...

Барышни хитро переглянулись, но взглянув в мою сторону, тут же построжили, а Лада, заметив это, окинула меня испытующим взглядом и, вздохнув, взяла с кресла мой пиджак. Зачем он ей только понадобился?

– Виталий Родионович, не стоит так пугать моих друзей. – Укоризненно покачала головой сероглазка, протягивая мне недостающую деталь гардероба. Только тут я сообразил, что именно заставило барышень принять серьезный вид. М-да уж, пока я спускался со второго этажа, сбруя с «Барринсом» была незаметна, а сейчас...

– Лада Баженовна, дамы, я приношу извинения, за свой неподобающий внешний вид... – Я склонил голову и добавил: – Хотя вина за это лежит на одной сероглазой красавице, для чего-то умыкнувшей у жениха его пиджак...

Девушка вздохнула.

– Мы только хотели взглянуть на его покрой, – проговорила она. – Портной настаивал, что обычный костюм вам не понравится, и советовал внимательно осмотреть те, что он вам уже пошил.

– О, ну если так сказал великий Григорий... – Улыбнулся я, надев пиджак и скрыв под ним кобуру с барабанником. – Тогда конечно. Спорить с этим сатрапом бесполезно, лучше четко следовать его указаниям.

– Мы заметили, – хором проговорили барышни.

– Ну что ж. Если вам еще нужен пиджак его выделки, то... Лада Баженовна, вечерние костюмы в моем гардеробе все до единого пошиты Григорием Евсеевичем. Можете воспользоваться ими. А сейчас прошу прощения, но я

вынужден вас покинуть. Дела.

– Я провожу вас, Виталий Родионович. – Кивнула Лада, чем вызвала очередные хитрые улыбки подружек. Ну да, не станем же мы при них целоваться...

Предупредив Лейфа, чтоб не вздумал прогулять тренировку и явился в канцелярию не позже полудня, я попрощался в холле с невестой и, выйдя на крыльцо дома, с наслаждением вдохнул холодный и свежий воздух. Мороз, установившийся еще ночью и успевший за несколько часов разукрасить окна домов причудливыми узорами, тут же принялся увлеченно щипать мои щеки и нос. Красота!

По дорожкам, очищенным смольянинской прислужгой от снега, я добрался до ворот и уже хотел было выйти на улицу, как раздавшийся за спиной перестук копыт заставил меня отойти в сторону. Рядом со мной остановились запряженные тройкой сани. Легка на помине.

– С добрым утром, Виталий Родионович! – весело поприветствовала меня хозяйка дома.

– Здравствуйте, Заряна Святославна. – Я вежливо приподнял шляпу.

– Вы никак в присутствие собрались?

– Служба есть служба. – Кивнул я.

– Так нам по пути! Забирайтесь в сани, ваше благородие... ох, простите, теперь уже высокоблагородие, не так ли? – Улыбнулась Смольянина. – Я как раз на Торговую сторону еду, к старому другу-недругу по садоводческим делам нашим, так и вас до канцелярии довезу, всё по пути.

– Благодарю за предложение, Заряна Святославна, с удовольствием им воспользуюсь. Только одна просьба... Не могли бы мы обойтись без титулования, ваша светлость? – Ухмыльнулся в ответ я, усаживаясь в сани. Хозяйка только головой покачала.

– И как прознали-то, Виталий Родионович? – спросила она под перезвон бубенцов и звонкий цокот копыт покотившей тройки.

– Так ведь сами знаете, где служу. Чему ж удивляетесь? – Развел я руками. – Да и когда судебные протоколы читал, по делу Ловчина, обратил внимание. Ваш титул там упомянут... Только одного не могу понять, с чего вы его скрываете?

– Вот уж ничуть не бывало, – ответила Смольянина. – Не напоминаю лишний раз, это верно. Но уж точно не скрываю.

– А что ж так? – удивился я. – Вроде не водится такого обычая за титулованными-то дворянами? Вот помнится, и противник мой по хольмгангу своим боярским званием немало козырял.

– Ох, Виталий Родионович, так то ж поместные бояре, а Смольянины дворяне из жалованных, да не по земле, а по заводишку уральскому, малому, да серебряным рудникам, предком моим найденным. И не так давно то жалованье было. Так что, хоть род наш и графским величается, а вспоминать о нем старые роды боярские не любят. Опять же и титул наш из новых... – со вздохом взялась за мое просвещение, Смольянина.

– Вот кстати, Заряна Святославна... – заинтересовался я. – Я в Хольмграде человек новый, да и допрежь с такими материями не сталкивался, может, объясните неучу... как же так вышло-то с титулами? Тут и бояре, и бароны. С чего вдруг?

– С удовольствием отвечу, Виталий Родионович. Тут вы правы, негоже дворянину, пусть неподтвержденному, титульному да личному, таких вещей не знать. Стыдно. Тут вас, только ваше заморское происхождение и извиняет, – согласилась Смольянина. Ну да, заморское... а что еще она могла предположить, не зная моей реальной истории? Я, правда, ни о чем подобном не распространялся, но Заряна Святославна женщина внимательная и выводы из увиденного делать умеет... Ну да пусть так. К тому же её домыслы вполне сочетаются с придуманной для меня князем Телепневым «легендой»...

– Слушаю вас со всем возможным вниманием. – Улыбнулся я.

– Хорошо. – Кивнула Смольянина, на мгновение задумалась, словно стараясь сформулировать мысль почетче, и заговорила: – до Олега Строителя, прадеда государя нашего, таковых титулов на Руси не водилось. Но уж больно любил государь всё на западный манер делать. Поначалу, поговаривают, хотел и бояр в баронов да графьев переименовать, но не вышло. Еще бы! Половина из них по крови Хельговичи[2 - Хельговичи — здесь потомки Олега (Хельги), прозванного Вещим, сподвижника и советника Рюрика, правившего от его имени Альдегьюборгом (ныне город Старая Ладога).] да Гостомысловы[3 - Гостомысловы – здесь потомки Гостомысла, князя Хольмградского, отца Рюрика Ютландца, ставшего первым князем Ладожским (Альдегьюборгом), а позднее, по смерти отца и Хольмградским, что позволило ему назваться Великим князем и начать сбор славянских земель под свою руку. Отсюда и второе, куда более известное в нынешней Руси, прозвище Рюрика – Собиратель).] с Гедиминовичами, а вторая половина, свои роды к хану Чингизу да князю Булану[4 - Булан – здесь полулегендарный иудейский военачальник, чьи потомки правили независимой Хазарией до её поражения в войне со Святославом Хольмградским, внуком Рюрика. После этого поражения Хазарский каганат вошел в состав Руси на правах зависимого княжества, правителя которого назначал только Великий князь Хольмградский.] возводит. Невместно им, видите ли, с европейскими малоземельцами равняться. Про князей и вовсе молчу. Вон, однофамильцы ваши, какую бузу подняли. Конечно, не в одном звании там дело было... Но и без него не обошлось. Четыре года у низовских именины пылали. От Киева до Твери, пока государь их пушками вразумлял. Вразумил, конечно, знатно.

Так что и по сию пору о князьях Старицких ничего не слышно, но и сам государь от своей затеи отступился. Только тем и ограничился, что титулами дворянскими стал новых людей жаловать. Офицеров выслужившихся, заводчиков, иной люд, что Руси пользу знатную принес, как тот же Ломоносов или Кулибин, к примеру. Тут уж боярам возразить нечего было, но любви к новым титулованным это, само собой, не прибавило. Ну и зависть опять же. Взять хоть Демидовых, соседушек наших уральских... Уж куда как богаты, на работах до сорока тысяч людей держат, и сами, хоть из новых титулованных, а любого боярина с потрохами купить могут, ежели не князя. И плевать им на все местнические да лестничные склоки. Ну как таким не позавидует какой-нибудь боярин, у коего кроме земли с парой тысяч арендаторов да громкого имени, предками прославленного и нет ничего более?

– Да уж. Есть чему завидовать да волком смотреть. – Хмыкнул я. – Кто ж им мешает тем же самым заняться?

– Так говорю же, Виталий Родионович, им сие неуместно. – Улыбнулась Смольянина. – Ну как же! Не боярское то дело из-под земли железо выковыривать... Верите ли, и по сей день многие из них так считают... Ох, что-то я вас совсем заговорила. Вот уж и Словенская набережная. Ну, не буду вас задерживать...

Я поблагодарил Смольянина за помощь и весьма интересный рассказ и выбрался из саней, остановившихся у ворот при въезде на территорию Особой канцелярии.

– Да, Виталий Родионович, сделайте милость, коли встретите Меклена Францевича, попеняйте ему, что совсем забыл про нас. Уж который день от него ни слуху ни духу, – попросила меня хозяйка дома.

– Непременно, Заряна Святославна. Хорошего вам дня. – Кивнул я, и Смольянина, махнув мне на прощание рукой, укатила по каким-то своим делам.

Поприветствовав охранителей в холле канцелярии, я, прежде всего, направился к адъютанту Телепнева. После давешней поездки в Архангельск, мы с Вентом Мирославичем стали довольно дружны, в основном на почве увлечения ротмистра техникой, правда, по большей части, её летающими образцами. Впрочем, «сухопутные пароходы», также не оставляли Толстоватого равнодушным, а узнав, что я всё еще не расстался с желанием обзавестись самобеглым экипажем, он принял самое деятельное участие в моей затее.

– Здравствуйте, Виталий Родионович. Снова пришли наших охранителей по залу раскидывать? – Едва я появился в приемной, ротмистр поднялся мне навстречу. Обменявшись приветствиями и пожав друг другу руки, мы одновременно опустились в кресла.

– Не только, Вент Мирославич, сегодня мне и самому на занятиях несладко будет. – Улыбнулся я.

– А, Тихомир... – Понимающе протянул ротмистр.

– Он самый. – Со вздохом кивнул я, и перешел к более интересной теме, ради которой, собственно и поднялся в приемную князя, вместо того чтобы прямиком

направиться в зал. – Вент Мирославич, вы, помнится, обещали мне устроить встречу со знатоком производства накопителей с Хольмского завода...

– Помню-помню. Есть у нас на примете один такой умелец. Незаурядного ума исследователь, знаете ли. Гордей Белозорич Горбунов, изобретательнейший человек. Я к нему нарочного с просьбой о встрече отправил. – Кивнул секретарь. – Думается, к обеду он как раз обернуться успеет.

– Замечательно. – Улыбнулся я, поднимаясь с кресла. – Вы уж сделайте одолжение, пошлите за мной, как он с новостями вернется...

– Разумеется, Виталий Родионович. – Кивнул мне ротмистр, и я вышел из приемной.

Вдоволь погоняв по залу своих великовозрастных учеников, я отпустил их с приходом по мою душу Тишилы. Может быть охранители и хотели бы полюбоваться на то, как их тренера самого изводят учебой, но памятуя, что это может для них закончиться незапланированным занятием с длинноклинковым оружием, синемундирники, пусть и с видимой неохотой, всё же покинули зал. А вот Лейф остался... не в первый раз, между прочим. Парню явно понравились занятия у старого дуэлянта, так что он и сегодня, не дожидаясь, пока Тихомир всучит ему довольно тяжелую дубину, долженствующую изображать нечто колюще-режущее, ринулся к стойке и принялся с энтузиазмом подбирать себе инвентарь.

Этот урок закончился только в пятом часу, да и то, большей частью потому, что Лейфу необходимо было ехать домой, а за мной явился посыльный от Толстоватого. Так что, приняв душ и переодевшись, я попрощался с Тихомиром, и направился в приемную.

Секретарь князя встретил меня кофием и запиской от обещанного исследователя, в которой тот соглашался встретиться с представителем канцелярии для небольшой консультации. Что ж, это именно то, что мне и нужно. Можно было бы, конечно, найти необходимые сведения в литературе, как я собственно и собирался поступить изначально. Вот только довольно скоро выяснилось, что времени на поиски нужных мне работ может уйти просто немеряно. И вовсе не потому, что эти сведения нарочно кем-то скрываются. Всё гораздо проще и унылей, здесь, в этом мире, банально не существует еще

публичных библиотек в привычном для меня понимании. Есть университетские собрания, гимназические, училищные, но они, за редким исключением, не содержат достаточно «прикладной» технической литературы. Таковая, в достойных объемах и качестве, может найтись лишь в заводских библиотеках, по закону считающихся частными и, как следствие, для меня труднодоступных. Можно было бы обратиться в Русское книжное собрание, но, как уверил меня ротмистр Толстоватый, на получение учетной карточки в этом заведении может уйти до полугода, даже для чиновников Особой канцелярии. Вот когда я с ностальгией вспомнил Интернет... Эх, да о чем тут говорить, если здесь даже Книжная палата, несмотря на свое довольно долгое существование в составе государева архива, только семь лет назад обязала всех издателей предоставлять ей в «непремнейшем порядке» по три экземпляра издаваемых ими книг. В общем, легче найти хорошего специалиста и обо всем его расспросить... а если удастся, то и привлечь к воплощению моей задумки. Поскольку технарь из меня... нет, кое-что я умею, но этого совершенно недостаточно для самостоятельной работы по созданию нормального авто.

Кстати, о специалистах, меня же еще и встреча с одним из волжских мастеров ждет... Я глянул на напольные часы в углу приемной и поспешил раскланяться с Толстоватым.

– Виталий Родионович, куда вы так торопитесь, если не секрет? – поинтересовался ротмистр, заметив мою спешку.

– Помните вы «сосватали» мне некоего Самуила Иосифовича, мастера с волжских паровозных фабрик? – осведомился я у ротмистра.

– Разумеется... О, никак он приехал? – Дошло до моего собеседника. – Виталий Родионович, не сочтите за пустое любопытство... Но не мог бы я к вам присоединиться на этой встрече?

– Отчего же? Вент Мирославич, друг мой, буду только рад вашему обществу. – Кивнул я.

– Великолепно. Тогда чего мы ждем? – Обрадовался Толстоватый. «Энтузиаст», что с него взять?

Поспешай не торопясь, а то успеешь...

Встреча с мастером-новгородцем оказалась на удивление продуктивной. Столько информации о практической стороне здешнего автомобилестроения я еще ни от кого не получал... Как оказалось, местные «гиганты отечественного автопрома» каждый образец своего творчества собирают чуть ли не на коленке, и каждый раз с какими-то модернизациями, новшествами... В общем, всё как и положено при зарождении нового вида производства. Иначе говоря, идет активный поиск оптимума, путем шараханья о максимумы... и минимумы. Не меняется в этой концепции только одно – пар. Накопители используются точно так же, как в паровозах и паровых машинах дирижаблей и кораблей. О том, чтобы использовать в качестве движущей силы что-либо иное, местным «кулибиным» отчего-то и в голову не приходит... То же электричество, например. Ведь энергия накопителей преобразуется в него с не меньшей легкостью, чем в тепло... А где электричество, там и электродвигатели, правильно? Впрочем, возможно, я просто не вижу каких-то подводных камней. Но пролить свет на эту тему сможет как раз приглашенный ротмистром исследователь с Хольмского завода.

Кстати, о камнях, тех, что подводные. По настоянию князя я вынужден был организовать себе частные уроки по некоторым университетским курсам, включая историю, начала естествознания, право гражданское и уголовное, а также устную и письменную словесность, с тем, чтобы к осени пройти квалификационное испытание на чин надворного советника, которым меня одарил государь... Чтоб ему икалось, извергу. Этот самый минимум предметов, которые я обязан сдать, напряг меня, что называется, не по-детски. Шесть преподавателей, занятия по три дня в неделю, по два часа каждое. Хорошо еще, что всего по три предмета в день. Будь предметов хотя бы на два больше, или будь иначе составлено это драконовское расписание, и я бы от такого темпа жизни свихнулся уже на третьей неделе... Ну да ничего, выгребемся. Помнится, во время учебы на «том свете», еще и не так крутился. Или мне это просто кажется, поскольку я уже успел привыкнуть к неторопливости здешней жизни?

С началом подготовки к экзамену на чин мне пришлось основательно перетряхнуть свое расписание. О прежнем спокойном житье с кучей свободного времени теперь не могло быть и речи. В дни, когда мне не нужно было ехать в

присутствие, я отправлялся на занятия с репетиторами, а закончив тренировку охранителей и занятие у Тишилы, отправлялся готовиться к свадьбе либо выполнял задания учителей.

И это еще не все. По вечерам к нам в гости стал частенько заглядывать Гордей Белозорич, тот самый исследователь с Хольмского завода. Горбунов весьма серьезно увлекся идеей создания полноценной силовой установки на основе столь хорошо знакомых ему накопителей. А некоторое время спустя к нашим беседам присоединились и Берг с Хельгой, преподающие мне начала естествознания и, после нескольких довольно специфичных вопросов с моей стороны, заинтересовавшиеся темой наших с Горбуновым встреч. Так что для общения с Ладой у меня оставался в лучшем случае один выходной в неделю... не считая ночей, конечно. Впрочем, пока наша, увлеченная расчетами и теоретизированиями, компания заседала в гостиной, моя невеста с удовольствием снимала предсвадебное напряжение, пропадая в зимнем саду Смольяниной, где помогала нашей хозяйке с выращиванием очередных образчиков флоры...

В начале апреля, изрядно помучившись с расчетами и материалами, наш самопальный опытно-исследовательский, он же конструкторский, отдел смог, наконец, создать первый образец работающего электродвигателя. Точнее, его действующую модель, состоящую из переносного накопителя и собственно движущего блока, исполненного в классическом варианте асинхронного двигателя... Почему именно его? Потому что это единственный тип электродвигателя, с которым я был в какой-то мере знаком. Ну не технарь я... не технарь. А вот Гордей Белозорич и Берг Милорадович ухватились за эту идею и выжали её из меня досуха. Рассказал всё, что помнил, и даже то, что считал забытым сразу по сдаче последнего своего экзамена по физике.

К моему удивлению, самым простым в создании модели оказалось решить вопрос с частотным преобразователем и регулятором напряжения в статоре, для получения возможности плавного изменения скорости вращения ротора. Берг с Гордеем, на мои потуги объяснить смысл и необходимость этого устройства, только снисходительно фыркнули и буквально за полчаса вплели в конструкцию машины пучок медных жил, несущих в себе тут же созданные ментальные конструкторы, запитанные от накопителя, с простым выводом для управления, в качестве которого присобачили поворотные звонки, вывороченные из стен спален и служившие прежним жильцам дома для вызова прислуги. Офигеть. На «том свете», несмотря на довольно давнее «бумажное» изобретение, «в железе»

подобные преобразователи появились совсем недавно, а тут два естествознатца, понимаешь, философа от физики, на коленке забацали то же самое, не приложив к этому сколько-нибудь серьезных усилий! Правда, энергию накопителей, эти самые преобразующие конструкты жрут как не в себя, да и «текут» неслабо. Так что, в реальности электродвигателю перепадает в лучшем случае половина должной энергии.

Впрочем, Гордей Белозорич пояснил, что конструкты подобного действия были разработаны чуть ли не Ломоносовым для его опытов с электричеством, и до сих пор, в том или ином виде, используются на Хольмском заводе при проведении некоторых испытаний. Но их вполне можно доработать, просто пока в этом не было насущной необходимости. Ну да это уже его епархия, вот пусть на пару с Высоковским головы и ломают... Для меня же эта демонстрация стала последним и самым убедительным доводом о том, что ментальные воздействия и естествознание вообще могут играть куда большую роль в жизни общества и его развитии, чем мне представлялось на первый взгляд... Ну, лучше поздно, чем никогда, не так ли?

Одного не могу понять. Как, имея подобные познания и возможности, здешние жители до сих пор не отказались от пара, хотя бы в пользу того же электричества? Ну ладно, паровозы, корабли... При удивительном, точнее недостижимо высоком для «того света» КПД здешних паровых установок, вопрос их замены на что-то более эффективное в применении к железнодорожному и водоплавающему транспорту пока не стоит. Но дирижабли... автомобили, в конце концов? Для них-то такой параметр, как масса, является критичным... а много ли воды утащит на себе та летающая колбаса не в ущерб полезной нагрузке, и сколько раз ей придется дозаправляться в пути? На авто же в этом случае и вовсе можно рукой махнуть. Дай-то бог, чтоб здешние «паротабуретки» хотя бы двух-трех человек увезти смогли... без багажа... за пределы прямой видимости. Так неужели здесь не нашлось своего Якоби, который устроил бы Крузенштерну катание по Неве... в смысле Волхову, на лодке с электроприводом?

Поинтересовавшись у Берга с Гордеем, известна ли им такая личность, в ответ получил лишь недоуменное пожатие плеч. Нет, эта фамилия им незнакома... И что, более никто не занимался эффектами магнетизма? Опять отрицательный ответ. Дьявол, да как они здесь хоть до лампочек додумались-то?!

И снова облом. Берг не поленился и, поднявшись с кресла, подвел меня к настенному бра, с которого и снял абажур... Ну да, лампочка, ага, как же. Скорее уж это стеклянный колпачок над толстой витой проволокой. Никакого вакуума. И здесь конструкты... Вот ведь, уже полгода живу в Хольмграде, а не замечал. Сыщик, чтоб меня...

Нет, баста, давайте-ка лучше вернемся к нашему двигателю. Нам его еще часок-другой погонять нужно, чтобы узнать скорость опустошения накопителя в разных режимах...

Как раз на следующий день после завершения испытания этого чуда техники в Хольмград вернулся из своей поездки Важен Рагнарлович. Старый ушкуйник сразу по прибытию в Гельсингфорс загнал яхту в сухой док и занялся её доскональным осмотром, результатом которого стал относительно недорогой ремонт и несколько переделок, о которых, как и о стоимости мероприятий, будущий мой тесть лишь мельком упоминал в своих коротких телеграфных сообщениях. В марте же, закончив работы, Белов нанял временную команду и увел «Варяга» из Гельсингфорса, в Конуград[5 - Конуград (Кёнигард, Город Правителей) – город на границе Руси и Венда, возникший на месте небольшого приморского поселения, в котором был заключен первый договор меж свеями, вендами и русичами. Впоследствии, вплоть до конца семьдесят второго столетия (XVII века от Р.Х.) был официальным местом встреч монархов Северной Европы, отсюда и название. Начиная с семьдесят третьего столетия превратился в один из портов Великой Ганзы, часто используемый в качестве запасной базы ушкуйников. В нашем мире на его месте расположен Калининград.], на новую стоянку. А оттуда уже, отпустив экипаж, поездом отправился в Хольмград.

– Как добрались, Важен Рагнарлович? – начал я разговор после сытного, «семейного» обеда, приготовленного расторопным Лейфом.

– Благодарю, неплохо. Совсем неплохо, – задумчиво проговорил в ответ ушкуйник, удобно устроившись в кресле у «дровожорки» с трубкой в зубах. Выпустив облако ароматного густого дыма, хмурый Белов повернулся к сыну, сидящему вместе с Ладой на диване. – Лейф, принеси папку, что я оставил в холле.

Сын ушкуйника сорвался с места, приволок огромный кожаный бювар для документов, присмотревшись к которому повнимательней, я удивленно хмыкнул. На папку кто-то явно наложил не один наговор. Чего здесь только не было, и от

огня, и от воды... даже на лихого человека была заготовлена пара ловушек... кажется.

– Значится так, Виталий. Я не привык ходить вокруг да около, так что приступим сразу к делу. – Мы еще до отъезда Белова в Гельсингфорс договорились о том, как будем именовать друг друга, так что никакого отторжения фамильярное, по местным меркам, обращение по имени у меня не вызвало.

– Слушаю вас, Важен Рагнарлович. – Кивнул я.

– Угу. Осмотрел я «Варяга», опробовал его, и скажу следующее. Ладный кораблик, крепкий. Но игрушка, и игрушка дорогая. Грузов на нем никаких не увезешь, разве что кое-какие пряности окупиться могли бы... или редкий чай. В общем, что-то небольшое и дорогое. Использовать же яхту в ушкуйном деле и того сложнее. Экипажу на ней всего полтора десятка человек, от мальчика до кормчего. Да с дюжину пассажиров возьмет, ежели по двое в каюте считать. Защиты у яхты никакой нет, да и не рассчитана тамошняя установка на такую нагрузку. А это значит, что надо устанавливать второй комплект накопителей, да хоть пару стволов, иначе разметает, к морским чертям, эту скорлупку первым же попаданием, даже с малой дрекки, и мявкнуть не успеет. В общем, иных возможностей, кроме продажи, я здесь не вижу, – угрюмо резюмировал Белов, прихлопнув ладонью по бювару. – Тем не менее, Виталий, взгляните на бумаги, что я привез. Здесь полное описание яхты, её возможностей, оснастки, машин и наговоров. Ну и счета, куда ж без них.

В принципе, ничего другого я и не предполагал. Зачем мне нужна эта самая яхта, что я с ней делать буду? Другое дело, что без нее меня может ждать совсем другая проблема, и настроение моего собеседника, кажется, это только подтверждает. Насколько я успел узнать будущего тестя, слово свое он держит крепко, а значит...

– А что, Важен Рагнарлович, коли я эту яхту продам, вы опять про владных ушкуйников вспомните? – осторожно поинтересовался я, буквально загравком чуя, как сидящая в сторонке Лада затаила дыхание.

– Вы сначала её продайте. – Скривившись, хмыкнул Белов, уходя от прямого ответа, и скосил взгляд на напряженно прислушивающуюся к нашей беседе девушку. – Поверьте, Виталий, дело это непростое, даже учитывая, что в

столице нашей куда больше склонного к подобным тратам люда, чем в любом торговом городе. Да и не стоит меня в предубежденности подозревать. Уж поверьте, зла своей дочери, я не желаю ни в коей мере и против счастья её не пойду. Иначе еще на Руяне сговорился бы с кем из ушкуйников и замуж выдал.

Всё это было сказано спокойным и даже вежливым тоном, вот только слышалось за ним нешуточное раздражение от того, что кто-то мог заподозрить старого ушкуйника в такой подлости и... растерянность? Вообще, несмотря на первую нашу, вполне себе феерическую встречу с Беловым, в последующем мой будущий тесть показал себя человеком весьма уравновешенным, спокойным и не склонным к буйству.

– Я понял, Важен Рагнарвич. – Кивнул я. – Простите за дурную шутку. Но всё же вы говорили, что дали покойной супруге слово, и я не думаю, что было бы правильно его нарушить.

– То мое дело, Виталий. – Сдвинул брови Белов. – Или вы уже на попятную идти собрались?

– Ни в коей мере. – Я покачал головой. – И вообще, я о другом. Не желаете выслушать для начала?

– Отец... – тихо проговорила Лада, и Важен махнул рукой.

– Куда уж я теперь денусь. – Пожал он плечами. – Говорите.

– Как я понимаю, условие было поставлено с тем, чтобы ваша дочь не оказалась замужем за... скажем так, необеспеченным человеком, я прав?

– Само собой. – Кивнул Важен Рагнарвич.

– Ну что ж. Я, конечно, небогат, но кое-какие деньги у меня водятся, – проговорил я. – Есть и яхта. Пусть это не полноценный ушкуй, но неужели все подряд руянские корабли несут на себе пушки?

– Нет, конечно, – вякнул было Лейф, но тут же сник под суровым взглядом отца.

– Тогда предлагаю поступить следующим образом. Мы продадим яхту, но лишь после свадьбы. Таким образом будет соблюдена и воля вашей покойной супруги, и ваша дочь будет замужем за обеспеченным человеком.

– Виталий, а вы понимаете, что в случае, не дай бог, развода вы лишитесь половины выручки за яхту? – не обращая никакого внимания на возмущенный писк Лады, проговорил Белов.

– Важен Рагнарлович, я не буду убеждать вас в невозможности такого исхода, это было бы глупо. В жизни всякое может случиться. Но знаете, в моих краях есть такая поговорка: «Легко пришло, легко ушло». Эта яхта – мой трофей, причем трофей нечаянный, я за ним не гнался и на него не рассчитывал. Так что...

– Точно ушкуйник. – Покачал головой Белов и вдруг расплылся в искренней улыбке. – Но хитер. Не волк, лис, сущий лис. Порадовал старого... Ладно уж. Уговорили вы меня, Виталий. Действуйте, как решили.

– Замечательно. – С облегчением вздохнул я. – Ну а раз так, то предлагаю сразу после торжества отправиться в небольшое морское путешествие. Надо же хоть раз на «Варяге» пройтись...

От радостного вскрика Лады у меня чуть уши не заложило.

– Хм, и далеко путешествовать собираетесь? – Приподнял бровь Белов, когда радость Лады несколько поутихла. Поднявшись с кресла, ушкуйник вытащил из бювара кипу бумаги и направился к обеденному столу. Разложив на нем листы, на поверку оказавшиеся довольно подробной картой Европы от Средиземного до Варяжского моря, он подозвал нас.

– Далеко не получится. Боюсь, в дальние страны меня Особая канцелярия не пустит. По крайней мере, в ближайшее время. – Развел я руками, разглядывая карту. – А вот по соседям ближним почему бы и нет? Отправимся из Конуграда. Заглянем на Готланд, потом в Стекольну, Гельсингфорс, а там можно и в обратный путь, через Колывань и Мемель.

Этот маршрут я придумал не случайно, вспомнилась мне одна из наших недавних бесед с Высоковскими, где мы обсуждали привлечение исследователей для работы над различными узлами будущего электромобиля.

– Интересно... – Пыхнув трубкой, кивнул Белов. – И не жалко вам будет таких сумм? Путешествие-то не на сто рублей потянет, а?

– Да черт бы с ними, с деньгами. – Отмахнулся я. – Когда еще удастся такую прогулку устроить...

– И то верно, – согласился Важен Рагнарвич. – Только предлагаю, для начала, зайти не в Висбю, а на Руян, оттуда в Карлскруну... Там будет проще получить адрес. А уж потом можно будет и до Готланда прогуляться...

– Адрес? – не понял я.

– Ну да. Право заходить в любые порты иностранного государства без досмотра груза. Конечно, Свеаланд и Венеды это не галлийские Порты и Нордвик Дан, отношение к русским кораблям там много доброжелательнее, но всё же законы лучше соблюдать... – ответил Белов.

– Вам виднее, Важен Рагнарвич. – Пожал я плечами.

– Это еще почему? – удивился ушкуйник.

– Ну так, а кто вы у нас по судовой роли «Варяга»?

– Но... – На мгновение мне показалось, что Белов выбит из колеи.

– Неужто вы имеете что-то против, Важен Рагнарвич? – недоуменно поинтересовался я.

– Ох, Виталий... – Покачал головой ушкуйник и хмыкнул. – Ну да ладно. Так тому и быть. Только вы уж учтите, что ранее чем через седмицу после свадьбы в путь мы отправиться не сможем. И то это, если я сейчас себе помощника толкового отыщу, коего в ближайшие дни на «Варяг» и отправим, для подготовки к выходу. Впрочем... этот вопрос, думается, я смогу решить в ближайшее время, равно как и вопрос с командой.

– Вот и отлично, Важен Рагнарович. – Кивнул я. – Ну, а если понадобится какая помощь, обращайтесь. Сделаю все, что в моих силах.

– Понадобится, уж вы не сомневайтесь. – Усмехнулся будущий тесть, кивая на выглядывающие из-под неплотно прикрытой крышки бювара листы счетов. – На подготовку путешествия деньги нужны, и немалые.

– Сколько? – Понимающе кивнул я.

– Ежели с запасом, да с полной уверенностью, то тысячи три-четыре. Но через две недели смогу сказать точнее. – Вздохнул Белов.

– Серебром? – осведомился я и напоролся на недоуменный взгляд старого ушкуйника.

– Господь с вами, Виталий! – Махнул он рукой. – Ассигнациями. Все ж не усадьбу покупать-то будем.

– Что ж, это не проблема, Важен Рагнарович. Завтра же заедем в банковскую контору на Людинов конец, а оттуда к стряпчему, составим новую доверенность... и договора, для вас и экипажа.

Белов принялся было возражать, убеждая в совершенной ненужности такого официоза, но я, наученный горьким опытом «того света», всё же настоял на своем. И дело здесь вовсе не в подозрительности, а в твердом знании, что в море, как и в армии, не может быть двух командиров. Вот пусть так и будет. Белов – капитан, ему и командовать. А я пассажиром побуду. Так же и с матросами. Понятно, что у ушкуйников с этим проще. По словам Белова, если уж ватажник слово дал и с атаманом по рукам ударил, то до тех пор, пока с похода не вернется, против воли атаманской ни слова не скажет, а вот с обычными матросами, черт его знает, как может дело обернуться. Так лучше уж все условия на берегу обкашлять, лишним это не будет, честное слово.

Попрощавшись с засобиравшимся до дому Баженом Рагнаровичем, мы проводили его до дверей, после чего Лада с Лейфом сбежали на кухню, а я, вернувшись в гостиную, уселся в кресло у камина.

Вот, казалось бы, куда я намылился? Какое может быть путешествие, если Особая канцелярия до сих пор надо мной нависает и приглядывает... Но мне кажется, всё получится, как надо. Позавчера Хельга, до сих пор посматривающая на меня с благодарностью, отчего Лада уже даже начала нервничать, обмолвилась, что работа по проекту «Лед» наконец закончена, и вскоре в «Университетском Вестнике» должна выйти первая статья о новых теоретических разработках группы русских философов в области создания и видоизменения тонких оболочек человека. Не знаю, к добру эти вести или к худу, но очень надеюсь, что Телепнев не упрется рогом и не вздумает на меня давить. Черт, да я даже согласен на присутствие его охранителей на яхте во время круиза... Хм. Осталось узнать, согласен ли на такое сам князь.

Я вздохнул и, решив, что мне не помешает чашка чая, отправился на кухню.

– Ну, и когда ты расскажешь о... – комично-грозным тоном проговорил Лейф, но Лада его тут же перебила:

– Скоро, братец. Думаешь, это так просто? – В голосе девушки слышалось явное раздражение и... неуверенность?

Тут я осознал, что застыл у приоткрытых дверей кухни, и, попеняв себе на неизживаемые профессиональные привычки, вошел в кухню. Лада резко обернулась и, увидев меня, искренне улыбнулась.

– Чаем напоите? – поинтересовался я, устраиваясь у огромного кухонного стола. Брат с сестрой тут же засуетились, и уже через минуту Лада поставила передо мной поднос с чаем, после чего подошла ко мне и, обняв за шею, уселась на колени, ничуть не стесняясь краснеющего брата.

– Устал?

– Есть немного. – Кивнул я, перебирая пальцами водопад её распущенных волос.

– Поня-ятно, – со вздохом протянула Лада, порываясь встать. Но я тут же обхватил её за талию.

– А что ты хотела? – прижимая к себе девушку, спросил я.

– Я... ты не сходишь со мной в зимний сад к Заряне Святославне? – проговорила Лада.

– Почему же? С удовольствием. – Я покосился на парящий чайник и махнул на него рукой. Успею еще чаем налиться. – Идем сейчас?

– Идем. – Улыбнулась красавица, вскакивая с подлокотника. На этот раз я не стал её удерживать а, поднявшись со стула, двинулся следом к выходу, оставив Лейфа заниматься своими важными кухонными делами.

Не знаю, зачем я ей там понадобился, но отказываться от посещения вечно цветущего смольянинского сада не стану, поскольку лучшего места для отдыха, чем её оранжереи, не найти, уверен. Да и интересно же, что еще задумала моя невеста...

Глава 3

Подарки бывают разные...

Любопытство сгубило кошку. Кажется, это так называется? В моем случае любопытство только оглушило, а зеленая тоска наверняка добьет мое бесчувственное тело... в самое ближайшее время. Ногами запинаят, ага. Потому что наслаждаться цветущей роскошью зимнего сада, медленно и вальяжно вышагивая по его тропинкам, это одно, а вот носиться по нему сломя голову, вслед за будущей супругой, чтобы как можно быстрее добраться до очередного шедевра Смольяниной и выслушать короткую десятиминутную речь о нем, с постоянными оговорками а-ля «этот охренипулос офигитилис будет замечательно смотреться в свадебном букете»... это совсем, ну совсем другое дело. Кажется, десять минут можно и потерпеть... вот только не зря зимний сад Заряны Святославны считается одним из лучших в Европе, это значит, что таких шедевров в нем не один десяток... так что лекция по ботанике, на которую я, по собственному недомыслию, нарвался, грозила затянуться не на один час.

Положение спасла хозяйка этого великолепия. Найдя нас в одном из садовых павильонов, она с одного взгляда на мою приклеенную улыбку въехала в

ситуацию и бесстрашно ринулась спасти мой угасающий от напора ботанической информации разум. Так что, уже через десять минут я был выпущен на самостоятельную прогулку по саду... Кайф.

Расслабившись, я и не заметил, как мысли вернулись к озвученной сегодня идее морской прогулки... Хотя какая уж там прогулка? Круиз, он и есть круиз, если уж говорить привычным мне языком. Проблема-то не в этом, а совсем даже в ином. Его сиятельство князь Телепнев Владимир Стоянович, глава Особой Государевой канцелярии и мой непосредственный начальник... Вот это настоящая проблема. Как уговорить его отпустить меня в путешествие по Балтике, точнее Варяжскому морю, как здесь его принято называть? После давешнего приключения с Бусом Ловчиным, князь чуть не заделался самым натуральным параноиком... Так что вероятность получения разрешения на круиз по сопредельным, хоть и дружественным, союзным Руси, Венду и Свеаланду, стремится к нулю. Если только... В моем мозгу забрезжила смутная идея, повертев которую так и эдак, я повеселел... Хм, а почему бы и нет, если правильно подать мысль, то ведь может и прокатить... Как там было в «Кавказской пленнице»: тот, кто нам мешает, тот нам и поможет, да? Вот и попробуем. Через два дня мне как раз надо будет явиться в присутствие, вот тогда и поговорю с князем. Глядишь, и выгорит моя задумка...

Вынырнув из размышлений, я окинул взглядом царящее в саду буйство красок и, довольно улыбнувшись, направился в обратный путь, на поиски Лады и хозяйки дома. Все-таки, замечательное место сотворила Заряна Святославна.

К моему приходу, правда, Смольянина уже ушла по своим делам, а немного успокоившаяся Лада начала выглядывать меня среди зарослей здешней флоры.

– Неужто ты всё уже осмотрела и выбрала? – поинтересовался я, выходя к невесте.

– Если бы. Заряна Святославна убедила не устраивать многоцветья, теперь вот не знаю на каком сочетании остановиться, – задумчиво проговорила Лада.

– Что бы ты ни выбрала, я уверен, это будет прекрасно, – подхватывая её под руку и увлекая к выходу, проговорил я.

– Лыстец. – Улыбнулась Лада. Но попыток вернуться в сад не предприняла. И замечательно, сад у Смольяниной, конечно, выше всяких похвал, но и меру надо знать... Короче, хорошего понемножку.

К нашему возвращению забытый чай был уже оприходован довольным Лейфом, и Лада, глянув на часы, отправилась наверх готовиться ко сну, уже с галереи огорошив меня заявлением, что завтра съезжает к отцу. Честно говоря, я был выбит из колеи. Почему?!

На этот вопрос, заданный закрывшейся за девушкой двери гостевой спальни, ответил Лейф.

– Так ведь до свадьбы-то, почитай, меньше месяца осталось, – прогудел сын ушкуйника, шумно отхлебывая чай из огромной кружки, притащенной им с кухни. Пить сей напиток из сервизных чашек Лейф отказывался напрочь.

– И что? – не понял я.

– Ну так обычай такой, нельзя вам до свадьбы... вообще... ну и видеться тоже. – Чуть смутившись, проговорил новик. Вот дела... а заранее предупредить меня можно было?

– И почему же мне раньше никто этого не сказал? – Я вздохнул.

– Я думал, Лада вам сказала. – Пожал плечами Лейф.

– Понятно. Вот, значит, о чем она... – начал я, но осекся.

– А?

– Да нет, это я так... О своем, о жениховском... – Отмахнулся я. Грустно это, конечно, но... Чую, если настою на своем и не отпущу Ладу к отцу, то о дальнейших хороших отношениях с тестем мне придется забыть, если не навсегда, то надолго. Эх, ладно уж. Месяц можно и потерпеть.

– Виталий Родионович... – прервал мои раздумья Лейф.

– Что?

– Вы бы глянули бумаги, что отец привез. Он бы тогда уж с завтрашнего дня смог работу начать.

Я кивнул, и передо мной на стол опустился принесенный Беловым бювар. Отдав мне папку, сын ушкуйника тут же изобразил непреодолимую тягу ко сну и, пожелав покойной ночи, слинял, оставив меня один на один с кипой бумаг. Хитёр бобёр. На разбор всех документов и счетов у меня ушло около полутора часов, по истечении которых я почувствовал огромное желание вырубиться следом за моими домочадцами... и не стал ему противиться.

Следующим утром меня разбудил какой-то странный шум в гостиной. Одним движением выудив из-за спинки кровати припрятанный там «Сварскольд», я скатился с кровати... и тихо выматерился, услышав очередную перебранку Лейфа и Лады. Это уже становится традицией... Потерев ушибленное при падении колено, я поднялся с ковра и, вернув барабанник на место, двинулся в ванную, приводить себя в порядок.

Сборы и отъезд Лады, поездка с Беловым на Людинов конец к нотариусу и в банковскую контору, визит к репетитору по праву... За этот день я просто-таки умотался. А на завтра еще намечена встреча с Высоковским и поездка к Горбунову, и это в мой законный выходной... В общем, по возвращении домой меня хватило только на то, чтобы поесть Лейфовых разносолов, предупредить по телефону Берга Милорадовича и Гордея Белозорича о скорой встрече, после чего, добравшись до постели, я вырубился, едва моя голова коснулась подушки.

Ввиду праздного дня, поймав лихача, я отправился не в канцелярию, а на Неревский конец, на квартиру к Бергу Милорадовичу, недавно переехавшему в новый доходный дом, что выстроил кто-то из «золотых поясов»[6 - Золотые пояса (Сто золотых поясов, Господа) – обобщенное прозвище представителей боярских и торговых родов Хольмграда, в прошлом оказывавших немалое влияние на жизнь русской столицы и бывших своеобразным городским парламентом. С течением времени открытая политическая власть «поясов» была задавлена государями Руси, и Господе пришлось возвратиться к тому, с чего и начиналась когда-то их слава, к торговле. Тем не менее до сих пор принадлежность к «золотым поясам» является предметом гордости старых боярских родов и семейных торговых домов, а их представители неизменно участвуют в Большом совете Ганзейского союза, представляя в нем четверть

всех русских «ганзейцев».] на Козьмодемьянской улице, как раз напротив церкви, в честь покровителей которой она и была названа. Как я заметил, кстати, это единственная улица в Хольмграде, в названии которой присутствуют церковные корни. Уж отчего так, не знаю...

Отпустив извозчика, я, под присмотром дюжего дворника в вычищенном холщовом фартуке, поднялся на высокое крыльцо нужного мне белокаменного дома и вошел в вестибюль, обитый лимонного цвета обоями и устланный, вопреки моим ожиданиям, не паркетом, а исполинских размеров досками мореного дуба. Уж не знаю, что подразумевали под доходными домами на «том свете», но здесь я нашел ту же обстановку и атмосферу маленького домашнего отеля, что и у Смольяниной. Встретивший меня у дверей местный проводник (то ли метрдотель, то ли управляющий... или вовсе дворецкий, не силен я пока в их классификации, не дается она мне, хоть убей), наряженный в очень приличный «дневной» костюм, осведомился о цели моего визита и, узнав, что я приглашен к Высоковскому, утвердительно кивнув, проводил мимо приоткрытых застекленных дверей салона к изогнутой, украшенной изящной резьбой, массивной деревянной лестнице, всё из того же мореного дуба. Представляя себе прочность этой древесины, я не мог не восхититься тонкостью её отделки. А уж стоимость этого шедевра должна быть как бы не на порядок выше цены такой же лестницы из каррарского мрамора... Ничего так место для жилья подобрал себе Берг Милорадович. Поднявшись на второй этаж, мы свернули на галерею, проходящую прямо над салоном, и остановились у тяжелых двойных дверей ведущих, как я понял, в апартаменты Высоковского.

К моему удивлению, меня встретил не только хозяин квартиры, но и его сестра. Как оказалась, после событий прошлого года Берг и Хельга решили «дуть на воду» и, съехав со своих прежних квартир, арендовали эти апартаменты, что оказалось еще и выгоднее раздельного проживания, поскольку эта квартира обошлась им всего в полтора раза дороже, чем их прежнее жилье.

– Ну вот, – огорчился я, когда, после осмотра апартаментов, мы устроились в гостиной, за чаем. – Переехали, а новоселье зажали.

– Что, простите? – не понял меня Берг.

– Ох, не обращайтесь внимания, Берг, – отмахнулся я. – Я только хотел сказать, что не худо было бы отметить ваше новоселье. И только.

– О. Но ведь мы не собираемся выкупать эту квартиру, – тут же бросился пояснять мой долговязый собеседник, пока его сестра разливала по чашкам крепкий черный чай. – Вот построим свой дом под Хольмградом, тогда-то и будет праздник.

– Неправильно это. – Покачал я головой, не уставая удивляться серьезности Берга, и его, иногда, напрочь отрубавшемуся чувству юмора. – Праздновать надо не какие-то события, они лишь повод, не более.

– Вот как? – Подвигая ближе ко мне блюдце со слойками, проговорила Хельга. – Интересно. А как, по-вашему, должно праздновать?

– По велению души, Хельга Милорадовна. Исключительно по воле ее, тогда и праздник будет в радость и любые условности в тягость не станут. Уж поверьте человеку, который до сих пор к иным столичным экивокам привыкнуть не может, – заключил я, и мои собеседники сдержанно рассмеялись. Они уже не раз становились свидетелями моего ворчания по поводу подготовки к свадьбе, да и мое отношение к условностям традиций и этикета, вовсе не было для них секретом.

Постепенно наша легкая беседа перешла в деловое русло, и я, наконец, смог озвучить свою идею.

– Хельга Милорадовна, помнится, вы говорили о том, что неплохо было бы пообщаться с вашими коллегами по поводу проекта... А как на это посмотрит Владимир Стоянович?

– Вообще-то, он совсем не против. Более того, без помощи его сиятельства наша статья вряд ли бы так скоро вышла в «Вестнике», – проговорила Хельга. – Кажется, после тех событий, князь пришел к выводу, что шила в мешке не утаишь, и готов открыть наши теоретические наработки. Но вот как это организовать? Приглашать коллег в Хольмград выйдет довольно накладно, а ближайший большой философский диспут будет проходить лишь через полгода, в Ахене.

– А вам обязательно нужно встретиться... хм-м, в большой компании? – протянул я.

– Что вы имеете в виду? – не понял Берг.

Разъяснив Высоковским, что именно я имею в виду, в ответ получил такую бурю положительных эмоций, что мне стало даже неловко за все те слова, что они мне на радостях наговорили. Вот уж действительно, кому что, а философам лишь бы поболтать...

Когда страсти немного улеглись, я признался, что на эту тему с князем еще не общался, и очень надеюсь на их помощь в уговорах. Берг и Хельга были готовы ехать к Телепневу в ту же секунду, но меня это не устраивало. Первую беседу со своим работодателем я хотел провести один на один. А вот если эта атака не удастся, тогда и подключу Высоковских... А может даже и Сакулова. Хотя начальник исследовательского отделения и отворачивается до сих пор при каждой нашей встрече, делая вид, что мы не знакомы, но он фанатик от науки, и стоит ему прознать о моей затее, поддержит её со всем своим пылом. А уж как сей господин умеет капать на мозги, это что-то. Более нудного, настойчивого, упертого ос... м-да. Ну, в общем, быть Сакулову моей тяжелой артиллерией.

Уговорив Высоковских подождать итогов моей первой беседы с князем, я откланялся. Время шло к обеду, а мне еще нужно добраться до дома, переодеться и ехать к Горбунову на Хольмский завод. Нет, если бы Гордей Белозорич принимал меня у себя, как поступили Хельга и Берг, я бы не стал даже затевать эту чехарду с переодеванием. Но Горбунов назначил встречу на заводе и, появившись там в утренней визитке, я буду тут же отнесен в разряд посетителей по личному делу, каковых, по словам исследователя, на территорию завода попросту не пускают. С другой стороны, если бы я с утра пораньше приехал к Высоковским в официальном костюме, да с лентой ордена, то поставил бы их этим в неудобное положение. Утро, по здешним правилам, время личных визитов, так что гость, прибывший «при параде» до обеда, как бы переводит свой визит в ранг официального, со всеми вытекающими последствиями. А уж учитывая, что о своем приходе я оповестил их не карточкой, а по телефону... Короче, значило бы это мое к ним неуважение, необоснованное высокомерие и конец любым доверительным отношениям. Дьявол, кто бы знал, сколько нервов я угробил, пока разобрался в этих идиотских правилах. Спасибо Ладе, натаскала.

Доехав до дома на очередном лихаче, я обнаружил, что мой новик куда-то слинял. Впрочем, прочитав оставленную им записку, найденную на столе в гостиной, никаких возражений у меня не нашлось. Сын ушкуйника, вместе с

соседскими барышнями, отправился проводить свою сестру и помочь ей обустроиться в квартире отца. Это он молодец, а если еще догадается от меня привет передать, вообще героем назначу. Кстати, к следующему его визиту к Ладе надо будет у Заряны Святославны букет выпросить, уж его-то моя невеста может принять? Заодно ее фирменными медовиками полакомлюсь... Повар у Смольяниной готовит их просто изумительно, м-да...

Переодевшись в похоронно-черный, официальный костюм-тройку и надев на шею ленту с малым знаком ордена, я двинулся к выходу. Пальто, шляпа, перчатки, трость... Да, трость. Она у меня особая, ладожскими мастерами на заказ сделанная. Утяжеленная и с клинком в рукояти, как раз для таких вот выходов, когда кобуру под пиджак не нацепишь. Стиллет, конечно, не огнестрел, но хоть что-то...

До завода я добрался за час. Хольмское производство расположилось в пяти верстах от города, сразу за предместьями Плотни. Гордей Белозорич встретил меня в своем кабинете, куда я попал не без определенных трудностей. Как оказалось, на этом заводе охрана поставлена не хуже, чем на каком-нибудь почтовом ящике «того света», так что прежде чем я добрался от проходной до владений Горбунова, прошло добрых полчаса.

Гордей Белозорич – педант, каких мало, аккуратнейший человек. Тщательно следящий за собой пятидесятилетний мужчина с небольшим брюшком и вечной полуулыбкой на устах, он искренне расстраивается, замечая какой-либо непорядок, и тут же стремится его извести всеми возможными способами. Я своими глазами видел миллиметровые риски на обороте его расчески, с которой он практически не расстаётся и с помощью которой приводит в порядок свои пышные бакенбарды. И ничуть не сомневаюсь, что эта линейка служит ему как раз для выравнивания и восстановления симметрии этих самых бакенбард. Так вот, заглянув в его кабинет, больше похожий на маленькую мастерскую, я был ошеломлен. Такого грандиозного беспорядка мне видеть еще не доводилось. Нет, может быть, он и не был столь грандиозен, как мне показалось на первый взгляд, но этот кавардак никак не вязался с привычным уже образом исследователя, хотя по всему было видно, что Горбунов отлично ориентируется в этом нагромождении справочников, деталей и разрозненных листов различных чертежей, и их положение в пространстве ему совсем не в тягость.

– Прошу прощения за беспорядок, Виталий Родионович. Знаете, когда я работаю над чем-то интересным, решительно не хватает времени на уборку, – повiniлся

исследователь. – А работа над новым накопителем для вашего авто-мобиля, надо сказать, захватила меня целиком и полностью.

– Не стоит извиняться, Гордей Белозорич. – Отмахнулся я, проходя в глубь кабинета, следом за его хозяином. – Тем более, что в возникновении этого беспорядка, некоторым образом, виноват я сам...

Недрогнувшей рукой смахнув со стула кучу железяк, Гордей Белозорич тут же аккуратно протер сиденье белоснежным платком, выуженным из кармана длинного, похожего на дворницкий фартука, и, гостеприимно указав мне на стул, запалил небольшую плитку. Взгромоздив на нее потертую медную турку, исследователь прилип к плите. Правильный подход, по-моему. На огне кофе, как и молоко, не терпит невнимательности, а Гордей Белозорич любит сей напиток ничуть не меньше, чем я, и как мне уже удалось пару раз убедиться, мастерски его готовит... хотя до таланта Лады ему, конечно, далеко.

А еще Горбунов терпеть не может долгих бесед ни о чем. Нет, он, как и принято здесь, при встрече интересуется здоровьем собеседника и его близких, скажет пару слов о погоде, но если у него имеется какой-то интерес к своему визави, то уже через три минуты перейдет к делу, если же разговор пуст, то через те же три минуты исследователь отклоняется и исчезнет. Так что наш кофе еще не успел подняться, а мы с Гордеем Бело-зоричем уже вели вполне предметный разговор. Правда, здесь начала сказываться дотошность и педантичность исследователя, и в результате из его кабинета я вышел лишь спустя полтора часа. Зато разжился согласием на его участие в моей аванюре, если она, конечно, состоится. Правда, исследователь не был уверен, что сможет сам присоединиться к нашей теплой компании, все-таки он не хозяин на заводе, и не может настолько вольно распоряжаться своим временем. Но зато он обещал, что в этом случае предоставит нам одного из своих наиболее толковых помощников. И даже это было уже немало.

Вопреки моим ожиданиям, оставленный у ворот завода извозчик всё же дождался моего появления, так что не пришлось долго искать под начинающимся дождем кого-то, кто мог бы доставить меня обратно в Хольмград. Порадовавшись своему сегодняшнему везению, я уселся в коляску, и мы покатали в город.

Время было уже послеобеденное, а я ведь даже не завтракал. Так что, проезжая мимо приснопамятного «Летцбурга», в котором состоялось мое знакомство со

столичной кухней и военной мощью Руси, я тормознул своего лихача и, одарив его серебряным рублем, подхватив трость, направился ко входу в заведение. Офигевший от размера полученной платы, извозчик прогудел что-то в бороду и, гикнув, умчался, пока странный пассажир не передумал.

Устроившись за столом, в ожидании своего заказа, я открыл записную книжку, с которой в последнее время почти не расставался, чтобы еще раз пробежаться по заметкам, относящимся к создаваемому нами автомобилю. Ведь для постройки авто, в том виде, который меня интересует, недостаточно просто собрать силовую установку. На кой мне телега с электродвигателем?

От просмотра записей меня отвлек голос подошедшего к моему столу молодого человека в цивильном костюме, с рукой на перевязи.

– Господин Старицкий, если не ошибаюсь, – проговорил он, глядя на меня из-под густых черных бровей. Я присмотрелся к нему. Тонкие и резкие черты лица, молод, скорее даже юн, но это не так бросается в глаза, из-за его серьезности... и жесткости, что ли? Невысокий, отлично сложенный молодой человек... Где же я его видел?

– Вы не ошиблись, господин... – с вопросительной интонацией проговорил я, разглядывая своего неожиданного собеседника.

– О, прошу прощения, мы не были представлены, – чуть смутился молодой человек. – Дес... Полусотник отдельного пластунского отряда Второго добровольческого полка Мстиславской Ларе Нискинич.

– Старицкий, Виталий Родионович. Присаживайтесь, – поднявшись, ответил я. И все-таки откуда я его знаю?

Дождавшись, пока визитер устроится за столом, напротив меня, я тоже сел.

– Вы, должно быть, меня не помните, Виталий Родионович, – начал Мстиславской. – Я был в компании офицеров, которую год назад вы «учили вежливости» на выходе из этого ресторана.

– Точно... – Кивнул я, вспомнив наконец, где видел своего смущенного собеседника. – Это же вы кричали боярину Голове, чтоб тот двинул мне в зубы... Да уж. Помнится, мой начальник после тех событий, изрядно напугал меня перспективами хольмганга со всем офицерским составом «плесковичей». Но после боя с десятником всё затихло. Неужто, по истечении целого года, вы решили-таки продолжить выяснение отношений?

– О нет, Виталий Родионович. – Замахал здоровой рукой Мстиславской. – У меня было время подумать, да и я уж давно не состою в «плесковичах», как вы выразились... Дело совсем в другом. Я надеюсь, что вы не держите на меня зла за ту выходку?

– С чего бы? – Пожал я плечами, с интересом поглядывая на полусотника. – Ваша компания еще тогда расплатилась по счету, а Голова к тому же принес мне свои извинения... Да и вы, как я смотрю, сильно изменились за этот год.

– О да... – чуть нахмурившись, протянул Мстиславской и ненароком погладил свою бездействующую руку. – На фронте у меня было время и все возможности для этого.

– Ну что ж, Ларе Нискинич, если мы закрыли эту тему... – начал я.

– Виталий Родионович, одну минуту. Прошу вас, выслушайте, – заторопился полусотник. – Я ведь приехал в Хольмград не только в отпуск, но и по делу, и... мне кажется, вы тот человек, что может мне помочь.

– Вот как? – удивился я. – Однако. Ну что ж, я вас слушаю, Ларе Нискинич.

Глава 4

Гора с горой...

Убеждение князя поначалу не задалось. Нет, услышав о моем желании совершить морскую прогулку по Варяжскому морю, Владимир Стоянович не орал на всю канцелярию, кривя багровеющую физиономию и высказывая все, что он

думает об этом замысле. Князь был спокоен, сдержан и улыбчив, вот только на улыбающемся лице доброго дядюшки слишком ярко выделялся совсем не добрый взгляд, словно два орудия главного калибра, чьи жерла нацелились на меня и, кажется, в любую секунду были готовы дать убийственный залп. Впрочем, стоило ему меня дослушать и заговорить самому, как пустота исчезла из его глаз.

– Дражайший Виталий Родионович, вы же и сами прекрасно понимаете, что желаете невозможного, – с явной насмешкой в голосе заговорил Телепнев, едва я честно изложил свою просьбу. Князь окинул меня полным скепсиса взглядом и кивнул. – Вижу, понимаете. И всё равно явились ко мне в кабинет... Что ж. Излагайте свою идею. Так и быть, я её выслушаю.

– Не понял, ваше сиятельство, – «честно» удивился я. После выданного с таким апломбом разрешения мое желание делиться своими идеями с ушлым князем изрядно сбавило в силе.

– Виталий Родионович, не старайтесь казаться глупее, чем вы есть на самом деле. – Нахмурился князь, кажется, понявший, что несколько переборщил с игрой в «разговор умудренного жизнью взрослого с капризным ребенком». Вот только вряд ли извинится... Ну что ж, буду считать его раздражение некой формой «пардона». – Полноте, господин Старицкий. Неужели вы и в самом деле думаете, что я поверю в этот спектакль? Уж позвольте усомниться в столь низкой вашей оценке моего разума. Итак. Поскольку вы все-таки пришли со своей просьбой, будьте любезны изложить причины, по которым считаете возможным получить мое согласие на сию авантюру.

Вот ведь знаток человеческих душ... Ведь всё прекрасно понял. Ладно, к черту эти игры. В конце концов, поездка нужна мне, а не ему... Зато теперь ему вряд ли удастся стянуть с меня какие-нибудь бонусы за разрешение. И это совсем неплохо.

– Ваша правда, Владимир Стоянович. Есть у меня одна идея, – начал я. – Хельга Милорадовна говорила, что в «Университетский Вестник» подана статья о разработке вашего исследовательского отделения...

– Не совсем так, господин Старицкий. Во-первых, статья эта всё еще проходит цензуру, а во-вторых, авторство статьи, как и разработка, принадлежит

коллективу русских исследователей, а не отделению моего ведомства, – с легкой улыбкой на губах перебил меня князь. – Прошу прощения, но это весьма важное уточнение. Продолжайте.

– Я понял, ваше сиятельство. Так вот... В любом случае эта статья наверняка вызовет немалый шум в среде философов, и уж точно будет обсуждаться на Ахенских чтениях, не так ли?

– Да уж, копий будет сломано немало, – согласился князь.

– И, соответственно, возрастет интерес к тем самым исследователям, что совершили если не переворот, то уж рывок в теории естествознания точно, – проговорил я. – Мы не в силах остановить все проявления этого интереса, но у меня есть предположение, каким образом можно значительно снизить накал страстей. Для этого, думаю, достаточно будет заранее переговорить с некоторыми участниками ахенской встречи, хотя бы с теми, чьи страны входят в Северный союз.

– Хотите увеличить количество «изобретателей», Виталий Родионович? – Прищурился князь.

– Не изобретателей, ваше сиятельство. Консультантов, – ответил я, чуть помедлив. – Пусть к началу Ахенских чтений, где тема работы Высоковских непременно всплывет, у нас будет если не поддержка, то хотя бы несколько человек, УЖЕ знакомых с этими исследованиями. А если Бергу Милорадовичу и Хельге Милорадовне удастся серьезно заинтересовать своих коллег из Венда и Свеаланда, то, возможно, они и вовсе придут на диспут с собственными наработками по этой теме. Доказать же, что подобные исследования не велись раньше на территории Руси, невозможно, а несколько ссылок на старые «потеряные» работы кого-то из почивших русских философов еще больше укрепят зарубежных исследователей в уверенности, что предложенная им на рассмотрение работа, далеко не первая в истории философии. И в этом случае не придется ссылаться на некое «озарение».

– Как-как? – Приподнял бровь князь.

– Хм, ваше сиятельство, а у вас была иная идея, объясняющая появление теории наших исследователей? – Пожал я плечами.

– Пожалуй, вы правы, подобный ход выглядит намного достовернее. – Со вздохом согласился князь. – Но и вопросов порождает немало. Например, откуда взялись эти старые работы? Кто их авторы и почему они неизвестны широкому кругу исследователей?

– А я на что? Прибыл в столицу с восточных земель некий господин Старицкий, который и привез работы своего предка, да отдал их на оценку здешним философам, по совету адъюнкт-профессора Граца, который, кстати, будучи заштатным сотрудником, и порекомендовал ищущего службы молодого человека из глубинки, а то и вовсе из заморья, в Особую канцелярию. А уж её исследователи... Всё одно полностью скрыть мое участие в судьбе Высоковских будет несколько затруднительно, а тут появится и основание для моего присутствия рядом с ними. Педантичный потомок старательно заботится о том, чтобы наследие его славного предка не было извращено и не кануло в Лету...

– Да уж. – Телепнев чуть расслабился, и даже взгляд его стал мягче. – Остается один немаловажный вопрос... Зачем вам нужна эта поездка?

– Ваше сиятельство... вы можете сказать, что меня ждет лет через десять? – вздохнув, поинтересовался я у этого жучилы. В ответ, князь лишь пожал плечами. – Вот и я не знаю. Понимаете, Владимир Стоянович, «там», оказавшись за бортом армии, я выживал. Крутился, как белка в колесе, стараясь обеспечить себе спокойную жизнь в призрачном будущем, потому как обеспечить её в настоящем, не став моральным уродом, уж простите за выражение, мне было не по силам... Но случай перенес меня в этот мир. Поверьте, намного более спокойный и куда более оптимистично и уверенно смотрящий в то самое будущее. Знаете, буквально вчера я был на Хольмском заводе и там разговорился с одним из сменных мастеров... Честно, я не знаю, как жили такие мастеровые в Российской империи, но сильно подозреваю, что у них не было золотых жилетных часов, и они не жаловались на дуру-кухарку, так приготовившую седло барашка, «что уже третий час изжога мучает», и уж совершенно точно знаю, что нынешние заводские рабочие на моей родине даже не мечтают о собственной кухарке и золотом репетире, потому как, тоже заняты выживанием.

– Что же за место такое, этот ваш мир? – вырвалось у удивленного моей речью князя. – Нет, я помню ваши рассказы, да и те несколько тетрадей с записями, что вы передали, до сих пор лежат в моем хранилище, но там, по-моему, не было

таких подробностей.

– И не могло быть. Ведь вас не интересовал денежный аспект, правильно? А у меня и без того хватало неотложных занятий в исследовательском отделении, чтобы тратить то небольшое свободное время, что у меня оставалось, на изложение не требовавшейся вам на тот момент информации. – Пожал я плечами. – Но я немного отклонился от темы, прошу прощения. Так вот, Владимир Стоянович. Сейчас у меня есть то, чего не было «там». Вполне приличная работа, небольшая сумма денег, пусть фактически и полученная весьма предосудительным способом... и ненужная мне яхта, того же происхождения. Я, наконец, живу, а не выживаю. А продав яхту, смогу обеспечить себе и своей будущей семье такую же вполне безбедную жизнь, без штормов и денежных треволнений. Это ведь хорошо?

– Думаю, это совсем неплохо. – Мой собеседник позволил себе сдержанно улыбнуться в ответ на явно риторический вопрос.

– Именно, Владимир Стоянович. Это неплохо. Совсем неплохо... – Со вздохом кивнул я.

– Но? – Прищурился Телепнев.

– Но дьявольски скучно, ваше сиятельство! – Развел я руками. – Нет, я не трудоголик, и по жизни довольно ленивый человек. Просто «там» выхода моей лени не было. А здесь... знаете, когда закончились мои мытарства в вашем проекте, я с превеликим удовольствием окунулся в сибаритство. И наслаждался им... пока не понял, что начал толстеть. Честное слово, никогда не был так удивлен и обескуражен. А еще оказывается, я никак не могу отвыкнуть от взятого когда-то темпа жизни. Отдых, о котором год назад я не смел и мечтать, превратился в какую-то унылую тягомотину. Прав был король, скука – самый страшный враг. Хорошо еще, что мне нашлось чем себя занять, а то я настолько привык к прежнему образу жизни, что сам себе начал казаться скаковой лошастью, которую вдруг остановили на полном ходу, и она, встав на дыбы, перебирает в воздухе передними ногами, стремясь лететь дальше.

– То-то о ваших метаниях по Хольмграду в свете уже легенды ходят. – Рассмеялся князь. – Не далее как сегодня утром от супруги своей слышал, что намерены, «этот странный Старицкий» успел побывать и в доходном доме на

Козьмодемьянской, и на Хольмском заводе, и даже с давним своим неприятелем Мстиславским в «Летцбурге» свидеться и помириться сподобился, и всё за один только день. О том, что наши профессора поражены той скорости, с которой вы запоминаете их лекции, уже и речи нет. На ваш экзамен обещались собраться чуть ли не все представители нашей ученой братии, между прочим. А философы спорят до хрипоты, какие-такие наговоры вы используете для столь скорого запоминания читаемых вам лекций. И вы еще говорите мне о скучной жизни, Виталий Родионович... Кстати, а что вам понадобилось на Хольмском заводе, а?

– Хочу построить себе нормальный автомобиль, а то эти волжские «паротабуретки» меня нервируют. Верите ли, как увижу такое «чудо», сразу швейная машинка мерещится... с паровым приводом. Жуть, – честно ответил я. Однако. Это не город, это большая деревня! Понятно, почему при таких размерах столицы штат Особой канцелярии так невелик. Зачем нужны сотни сотрудников, если всю нужную информацию об «объекте разработки» можно, без особых хлопот и долгой слежки, выудить из сплетен? Я вздохнул. – Собственно, это одна из причин, по которой я хочу отправиться в путешествие. Мне жизненно необходимо переговорить с несколькими заводчиками и философами Венда и Свеаланда касательно задуманного.

– Будете открывать свой завод? – поинтересовался князь. – А меня в пайщики возьмете?

– Господь с вами, Владимир Стоянович. – Ошарашил так ошарашил, князюшка. – Какой завод, о чем вы говорите? Патентов наберу и опытное производство организую. А дальше пускай волжане трудятся... Какой из меня заводчик?! Я бухгалтерскую книгу от описи имущества не отличу.

– Ох, зря вы так. Подумайте, Виталий Родионович. Хорошенько подумайте. Коли сами этим делом займетесь, куда как лучше будет. – Хитро улыбнулся Телепнев. – Что такое патент? Семь лет и все. А свой завод...

– На завод деньги нужны, Владимир Стоянович. По самым скромным подсчетам, не менее полумиллиона серебром понадобится. – Покачал я головой. А вот то, что патенты здесь срочные, я не знал... Не было этого у меня в лекциях. – А у меня яхта, дай бог, на полмиллиона потянет, не больше. Так ведь еще же надо будет хоть сто тысяч отложить, на старость, так сказать. Так что...

– Потому и говорю о пае, любезный мой господин Старицкий. Я бы в такое дело с удовольствием часть средств вложил... А там можно будет и у государя кредитоваться.

– Ох, не надо о больном. Вон, на «том» свете, я уже один раз влез в ипотеку. Пятнадцать процентов годовых, да на тридцать лет, с двадцатипроцентным первым взносом. – Поморщился я.

– Ипотека? Это что за зверь такой незнаемый? – не понял князь.

– Покупка квартиры в кредит, – пояснил я. – Долговая кабала фактически. При зарплате в сотню тысяч рублей, семьдесят из них я должен был отдавать банку... в течение тридцати лет.

– Это что же за дворец вы себе купить пожелали, Виталий Родионович? – Покачал головой князь.

– Дворец?! Двухкомнатная квартира. – Рассмеялся я. – Да не в центре города, а ближе к окраинам.

– Всего две спальни? А с гостями как быть? А прислуга? – удивился князь.

– Не две спальни, Владимир Стоянович, а две комнаты, кухня и ванная комната. Ну, прихожая еще. На всё про всё шестьдесят квадратных метров. – Такого растерянного лица у князя, я еще не видел.

– Это же... это же конура собачья, прости господи. Так жить нельзя! – Телепнев аж поперхнулся и заколотил рукой по звонку на столе. – Так, Виталий Родионович, подождите. Вент Мирославич, голубчик, велите кофий подать... и коньяку, пожалуй. Нет, непременно коньяку.

Дождавшись, пока мастерски скрывающий свое удивление ротмистр выйдет из кабинета, князь Телепнев вопросительно взглянул на меня.

– Скажите, Виталий Родионович. А сто тысяч тех, ваших рублей, это много?

– Не знаю. Как считать, ваше сиятельство. – Пожал я плечами.

– Ну вот, к примеру, сколько у вас там корова стоит?

– Понятия не имею, – искренне ответил я. – Вот сколько килограмм мяса стоит, могу сказать. Около трехсот-четырехсот рублей. Свиная шейка, например.

– А у нас, тридцать, много тридцать пять копеек, – задумчиво произнес князь. – Это получается... получается, ваше жалованье здесь примерно в пять раз выше, чем «там»? А сколько ж та конура стоила, что вы такие деньги банку должны были отдавать?

– Семь миллионов.

– Виталий Родионович... вы жили в аду, – безапелляционно заявил князь.

– Именно так я и ответил Меклену Францевичу, когда он задал вопрос о моей жизни на «том свете». – Хмыкнул я.

Тут нашу беседу вновь прервал ротмистр Толстоватый, собственноручно принесший поднос, на котором расположился парящий фарфоровый кофейник с кипенно-белыми чашками для кофе, два пузатых бокала и небольшой графин, до половины наполненный янтарным напитком из известной и в этом мире французской провинции.

– Ну, скажу я вам, и страшные же вещи вы мне поведали. Этак и аппетита недолго лишиться, – поднося ко рту чашку с кофеем, произнес Телепнев. Принюхался к тонкому аромату и, сделав символический глоток обжигающего напитка, вернул чашку на блюдце. – А уж банки эти ваши и вовсе живодеры ерусалимские. Да наш государь такой банк мигом бы в казну забрал, а ловчил в кандалы да в Сибирь.

– А может? – поинтересовался я.

– Он еще и не то может. Вон, помнится, некие ушлые людишки решили биржу открыть, где можно было бы акциями да паями заводов и производств торговать, вроде аукциона. А что, законом же сие не возбраняется. Вот только и месяца не прошло, как государь своей волей запретил подобное. Людишек тех, мои обмундированные сами на скамью сажали, а суд их «за рушение устоев

государства» на каменоломни отправил. «Поелику такая торговля отменяет самый смысл паевого хозяйствования, в коем каждый пайщик за общее дело радеть должен». Оно и верно. Как же завод работать будет, коли у него хозяева каждый день меняются? – поведал князь. – А по поводу кредита вы не переживайте, Виталий Родионович, у государя, оно совсем иначе установлено. Тут дело такое... Сам кредит до тридцати, редко до сорока процентов от общей стоимости дела доходит. Но дается он не деньгами, а товарным займом. Железо ли для производства, станки или снасть какая. Срок возврата не больше десяти лет, единовременной суммой с обговоренным еще до выдачи кредита процентом. Но возможен возврат суммы и паем. А государь в пайщиках, это мечта любого заводчика, скажу я вам.

– И какой же казне прибыль с такими-то условиями? – не понял я.

– А причем здесь казна? – Приподнял бровь Телепнев. – Кредит-то государев. Он с паевого дохода девяносто процентов в казну сдает, вот и вся её прибыль. А десять процентов, в личный государев кошт уходит.

– Ну дела-а, – промычал я. Такого я не ожидал... Это ж не государь, а какой-то филантроп получается!

– Что, чудно вам сие? – Усмехнулся Телепнев. – Тому и многие соседи наши дивятся. И пусть бы их. Зато ни один из государей наших, начиная с Олега Строителя, при коем этот закон введен был, никогда заводчиков да мануфактурщиков не прижимал, и по сей день, больше чем на Руси, заводов, лишь у Галльских Портов насчитать можно, да и то ежели вместе с колониями. Так-то.

Результатом наших посиделок с князем стало его дозволение на мою поездку, о которой я, из-за вываленных им на меня сведений, чуть было и вовсе не позабыл. Да и запала мне в душу идея с собственным заводом. Сагитировал меня князь. Тем более с этими новостями о срочных патентах у меня и выхода другого не остается... Хорошо еще, что сроки действуют только на территории Руси. В «европах» свое право и договоренности, там патенты сроков не имеют, это я точно знаю, князь подсказал. А значит, именно там и нужно подавать заявки. Хотя бы иностранцы не будут бесплатно пользоваться нашими придумками, и то хлеб.

Пока ехал до дома, пытался разложить по полочкам полученную информацию. И как-то так выходило, что заморачиваться с патентованием, допустим, того же электродвигателя нам пока, оказывается, рановато. Равно как и оформлять заявки на остальные «изобретения», периодически всплывающие при работе над будущим автомобилем. Те же гидropневматические амортизаторы и пружинные подвески, например. Про резиновые уплотнители и сайленты я вообще молчу. Эх, придется созывать большой курултай нашего маленького конструкторского бюро и ставить вопрос с заводом на голосование...

А по приезду домой меня ждал большой сюрприз. Ну, как сюрприз? Я просто напрочь забыл о визите Мстиславского. Во время нашей встречи в «Летцбурге» он обещался быть сегодня ко мне в гости, к трем часам пополудни, и в тот момент, когда мой извозчик остановился во дворе смолянинских владений, Ларе Нискинич как раз выбирался из остановившейся у ворот в имение коляски. Это я вовремя приехал. Отпустив извозчика с двугривенным в кармане, я поднялся на крыльцо и, крикнув Лейфа, тут же принявшего у меня пальто, трость и шляпу с перчатками, остался у дверей, встречать гостя.

Вот князь говорил, что мы с Мстиславским помирились... Не знаю. Я с ним, честно говоря, и не ссорился. И дело не в том, что у меня память короткая. С этим как раз полный порядок. Просто тот юнец, что получил от меня «привет в зубы» прошлой осенью, не имеет никакого отношения к боевому офицеру, полусотнику княжичу Мстиславскому, присевшему за мой столик в ресторане «Летцбург». Тот франт уехал из столицы с предписанием на Дон, а добровольцем на румынский фронт уходил уже совсем другой человек. Уж не знаю, что сподвигло яркого представителя здешней «золотой молодежи» на такой резкий шаг, но уверен, что ему это пошло только на пользу. По крайней мере, сейчас, напротив меня, в кресле у камина, с бокалом порто в руке сидит не кичащийся своим происхождением и родительской крутизной мажор, а воин. Да, молодой, да, пока еще не очень-то и опытный... хотя, как сказать, война опыт быстро подбрасывает, только успевай подбирать... вот именно: успевай! Мстиславской пока успевает. Живой ведь, хоть и раненый... Ну так на большой войне нужно быть совершеннейшим везунчиком, чтобы вообще без таких «гостинцев» обойтись. А она там действительно нешуточная, судя по рассказам Ларса... Война двух экспедиций, так её обозвали в газетах. Турки и русские режут друг друга на территории суверенной боярской Румынии... М-да уж. Зачем и почему, мне не ясно, но воюют с размахом. С русской стороны только добровольных три полка сформировали, да еще двенадцать номерных постоянно на фронте, чуть ли не с ежемесячной подменой, и, кажется, пару именных отправлять намерены. А у турков... Мстиславской говорит уже двадцать три

полка в боях, и османы еще десяток из метрополии подводят. Румыны? А что румыны? Они, как всегда, в жбан с мамалыгой нырнули, и нету их. В смысле вообще. Крестьяне да обыватели по домам прячутся, армии с ними не воюют, самых боевитых и горластых бояр еще в начале кампании сами турки и грохнули, администрация разбежалась... амба. Нет такой страны Румынии, есть только румынский фронт. Так-то.

И вот сидит передо мной Ларе Нискинич и ждет, что ему ответит на его вопрос некий господин Старицкий. И я сижу. Вот только что ему ответить-то? Эх...

– Подождите несколько минут, Ларе. Я телефонирую в присутствие. Попробуем помочь. Но прошу понять, что вопрос этот не в моей компетенции... Так что за результат не ручаюсь. – В ответ княжич понимающе, действительно понимающе, кивает. Я поднимаюсь с кресла и иду в холл, а оттуда в особняк Смольяниной.

– Вент Мирославич, друг мой, хоть и виделись с вами сегодня, но всё же доброго дня...

Князь Телепнев прибыл лично, спустя всего лишь полчаса после моего звонка в канцелярию. Честно говоря, я думал, что он вызовет нас с Мстиславским к себе, а вот поди ж ты. Сам приехал. Выслушал немудреную историю Ларса, покивал и повернулся ко мне.

– Господин Старицкий, ехать лично запрещаю! Отберете в охрану десяток человек из тех, что сами тренировали, занесете список мне на подпись, сегодня же. Один десяток, не больше.

– Непременно, Владимир Стоянович. – Кивнул я. Вот делать мне больше нечего, как на фронт рваться. Хватит. Я свое отвоевал. Не хо-чу.

– Вот и замечательно. – Растянул губы в холодной улыбке глава Особой канцелярии и поднялся с кресла. Уже стоя у дверей, он обернулся к Мстиславскому. – Кланяйтесь от меня батюшке, Ларе Нискинич... Лихой рубака был, и сына такого же вырастил.

– Непременно, князь. – Недоумение в голосе Мстиславского подсказало, что Ларе и сам не в курсе знакомства своего отца с главой Особой канцелярии. Ну да ладно. У меня теперь другая забота. Нужно думать, кого из «птенцов» направить

на фронт... Дьявол! Охрана, блин! Да их самих еще охранять надо... И что это контрразведка совсем мышей не ловит, что им следователь от канцелярии понадобился, да еще негласный? Ладно. Сопли побоку, будем думать...

Глава 5

Тяжело в учении, или Подготовка продолжается...

Князь ясно дал понять, что именно те люди, на которых я укажу, и будут сопровождать следователя в Румынии... А я очень не хочу отправлять на фронт кого бы то ни было. Вообще не хочу. Не мое это дело. Но и не выполнить приказа начальства я тоже не могу... К моему немалому удивлению, лучший совет по поводу подбора охранителей дал мне Тихомир, на которого я наткнулся в присутствии, пока собирался с духом, чтобы явиться на доклад к князю.

– Да не мучайся ты так, Виталий Родионыч, – заметил Тишила, когда я кратко изложил причины замеченного им у его великовозрастного ученика, волнения. – Внеси в список два десятка лучших, и пусть князь сам выбирает, а то и следователя того кликнет, да на пару разбираются, кто им хорош, а кто рылом не вышел...

– А знаешь, пожалуй, так я и поступлю, – кивнул я. – Спасибо за совет, Тихомир Храбрович...

– Да что там. – Отмахнулся Тишила и, хотел было отойти в сторону, но замялся.

– Я могу чем-то помочь? – поинтересовался я у переминающегося с ноги на ногу старшего охранителя.

– Да вот, Виталий Родионыч... не знаю, как и сказать-то даже... – Тишила глубоко вздохнул и вдруг выпалил единым духом: – Возьми меня с собой в путешествие ваше, а? В чужих-то землях всякое бывает, не дай бог, и моя помощь пригодится...

– Вот задал ты мне задачку, Тихомир... – Опешив, я даже не заметил, как на фамильярный тон скатился. – И как только узнал-то?

– Да что там... – Махнул рукой старший охранитель. – Невелика загадка. Сегодня о том господин Высоковский в беседе с сестрицей своей обронил. А я и услышал. Так как?

– Ох, Тихомир Храбрович, не зря, ой не зря тебя в Особую канцелярию сманили. – Покачал я головой. – А как же ты со службой-то поступишь? Отпустят ли тебя?

– Вот это уж точно не беда. – Широко улыбнулся Тишила. – У меня и допрежь долгие отпуска бывали, когда охранители на занятия не захаживали... Отговорюсь, Виталий Родионович.

– Ну, ежели так... – Я махнул рукой. – Уговорил, чертяка. Но прошу учесть, бездельничать на «Варяге» не придется. Каждый день тренироваться станем.

– Да я с радостью. Со всем нашим прилежанием, как говорится. – Старый воин расправил усы и кивнул. – Только ты уж не забудь, сообщи мне, как в поход соберетесь.

– А мы иначе поступим, – помолчав, предложил я. – Приходи на мою свадьбу, Тихомир Храбрович, там и узнаешь, когда в путешествие отправимся. Заодно и с остальными попутчиками познакомитесь, кого не знаешь.

– Благодарствую за приглашение. Буду непременно. Вы же в михайловской церкви венчаться собираетесь? – проговорил старый воин. – Так я к обряду и буду.

– Именно. – Кивнул я. – Вот только интересно мне, кто тебе о том сообщил? Вроде бы мы пока и объявления-то не делали...

– Батюшка тамошний старый мой сослуживец. Мы с ним еще в Севастополе от «портков» отбивались. Он у меня в гостях частенько бывает, да и я к нему заглядываю.

– Прости, от кого отбивались? – не понял я.

– Ох, всё забываю, что ты у нас человек новый, Виталий Родионыч, – повинился Тишила и, хмыкнув, пояснил: – Турки да галлийцы в Севастополе, двадцать лет тому назад, десант высадить пытались. У турков – Блистательная Порта, у галлийцев – Галлийские Порты, вот «портками» их и прозвали.

Тишила явно желал бы продолжить рассказ об обороне Севастополя, но, заметив, что к нам приближается ротмистр Толстоватый, поспешил откланяться.

– Пора мне, Виталий Родионович. Да и тебя вон уж адъютант его сиятельства ищет.

Князь не стал пенять за нечеткое выполнение его указания. Только понимающе хмыкнул, пробежав взглядом по спешно составленному в его приемной списку и, отложив его в сторону, выжидающе воззрился на меня.

– Ваше сиятельство?

– Простите, Виталий Родионович, задумался, – тут же встрепенулся Телепнев. – Да. Ну что же, как я понимаю, вы решили переложить на меня бремя принятия решения о том, кто из обмундированных будет в охране у следователя... и, откровенно говоря, не могу вас за это винить. Но вы можете поручиться, что указанные вами лица действительно соответствуют возлагаемой на них миссии?

– Владимир Стоянович, – я на мгновение задумался, прежде чем отвечать. – Вы приказали составить список людей наиболее подготовленных физически, я выполнил этот приказ. А насколько они соответствуют иным вашим требованиям, мне неизвестным, извините, не могу знать. Но в плане боевых умений они лучшие в канцелярии, будьте уверены.

– Но молоды... очень молоды. – Покачал головой князь и вздохнул. – А значит, горячи и несдержанны.

Это может обернуться большой неприятностью для них на фронте...

– Извините, но позволю себе с вами не согласиться. – Я покачал головой. – Разумеется, полгода это не тот срок, за который можно подготовить настоящего профессионала, но уж вбить им в голову необходимость взвешенно подходить к

решению любого вопроса, будьте уверены, я сумел.

– Это не те ли учения с «заложниками» вы имеете в виду, Виталий Родионович? – Прищурился князь.

– И они тоже, ваше сиятельство. – Согласно кивнул я. Было дело, устраивал охранителям выезды «на пленэр», так сказать. Между прочим, очень неплохо получилось. По крайней мере, приданных для отработки сценариев «статистов» из расположенного под Хольмградом номерного пехотного полка мои «плюшевые мишки» рвали, как тузик – грелку.

– Что ж. Раз вы в них так уверены...

– Уверен? Нет, Владимир Стоянович. Когда речь идет о подобных вещах, уверенным быть нельзя. Единственное, что могу утверждать с точностью, так это то, что отобранные мною люди, превосходят солдата линейного полка так же, как я превосхожу их самих. Вот в этом я уверен. Но хватит ли им этих умений, чтобы выполнить свою задачу... Пока вопрос.

– И когда же вы сможете дать на него ответ? – нахмурившись, поинтересовался князь.

– Война план покажет. – Пожал я плечами. Телепнев скривился. Еще бы, какому генералу понравится утверждение, что степень подготовленности его войск может быть определена только в ходе боя? И я договорил: – Ваше сиятельство, вы же понимаете, что идеальных солдат не бывает. Даже хорошо подготовленный диверсант не застрахован от шальной пули, выпущенной наугад в темный лес обделавшимся со страху писарем... Прошу прощения. И какими бы умениями ни обладали наши охранители, попади они в хорошо организованную засаду, им это мало чем поможет. Разве что смогут побольше врагов с собой прихватить... А ведь их могут и пушками накрыть... или, учитывая специфику задания, и вовсе в какой-нибудь харчевне потравить, и дело с концом.

Князь слушал меня и кивал, молча глядя куда-то в окно и прихлебывая кофе из белоснежной чашки тонкого фарфора. Я умолк, и Телепнев вздохнул.

– Ох и трудно же мне с вами, Виталий Родионович... – протянул князь.

– Не понял, ваше сиятельство, – опешил я.

– Ну как же? – Изобразил удивление мой собеседник. – Обычно-то оно как бывает? Дал начальник задание подчиненным, те какой-то план составят, и давай начальству с пеной у рта доказывать, как их задумка хороша, да какие исполнители-то богатыри, что и горы свернут, и реки выпьют... А вы что же делаете? Нет, не по-нашему у вас всё как-то получается, Виталий Родионович, не по-русски. Где блеск в глазах, где рвение безудержное, я вас спрашиваю?

– Э-э, ваше сиятельство? А коли они, после таких «потемкинских деревень», да обмишулятся? – поинтересовался я, после чего пришлось потратить несколько лишних минут на объяснение, что за деревни я имел в виду. А выслушав, князь только хмыкнул.

– Так, понятное дело, ежели и план окажется нехорош и людишки не богатыри, а калеки, то тех выдумщиков по головке не погладят. – Телепнев усмехнулся. – Ладно уж, Виталий Родионович. Пошутили и будет. Я рад, что вы не из таких говорунов. И если быть честным, кабы услышал я от вас славословия, да пустое бахвальство о выучке охранителей наших, не быть бы вам надворным советником, хоть бы вы и десять раз испытания на чин сдали... Уж простите старого пройдоху за такие кунштюки. Но вы и сами должны понимать, что дело затеялось нешуточное. Если бы даже и не дошло сейчас до посылки комиссии на фронт, так что-то другое в ближайшее время всё одно приключилось бы. И не хотелось бы мне разочаровываться в своих решениях...

– Понимаю, ваше сиятельство. – Кивнул я. М-да уж. Вот и первый звоночек...

– А что, Виталий Родионович, с этой вашей поездкой-то, получается, останутся наши охранители без наставника, а? – как бы задумчиво проговорил князь. Ну да, точно, сейчас и начнет...

– Так ведь ненадолго. Месяц, не больше, – проговорил я. – Да и к лучшему это...

– Чем же? – удивился князь.

– Вернусь, да на первой же тренировке видно станет, кто из них и без моего присмотра занимался усердно, а кто ленился да к делу спустя рукава отнесся.

– Что ж. Может и так. Ладно. Неволить вас не хочу и не буду. Задумка уж больно хороша, да и по Правде, вам отпуск положен, перед испытанием на чин... Только... – Телепнев отставил в сторону пустую чашку из-под кофе и побарабанил пальцами по столу. – Есть у меня дурное предчувствие какое-то, Виталий Родионович... Взяли бы вы с собой пяток охранителей, хоть из этого же списка... Всё у меня на душе спокойней будет. Да и потренируете их дополнительно в дороге-то, тоже худа не будет.

– А я уж и не знал, как вас о том просить, Владимир Стоянович. – Я изобразил улыбку. Ожидаемо. Кто ж меня одного за рубеж да без повода отпустит. А уж с исследователями канцелярскими и подавно. – Всё же, хоть и будем мы по союзным странам путешествовать, а Высоковских защитить надобно.

– Вот и договорились, Виталий Родионович. – Телепнев подвинул на край стола мною же накорябанный список, и я отметил в нем пять фамилий. Молодые ребята, бесхитростные, подлянки от них ждать не придется, надеюсь... Князь просмотрел записи и, неопределенно хмыкнув, кивнул, после чего медленно проговорил: – Эх, будь моя воля, я бы на ваш «Варяг» еще и пару пушек поставил, хоть каких-нибудь, но...

– Экий вы перестраховщик, ваше сиятельство, – улыбнулся я.

– Работа у меня такая, господин Старицкий... Да и у вас тоже. – Развел руками князь и, на мгновение задумавшись, вдруг просиял. – Вот! Придумал. Езжайте-ка вы, мой друг, прямо сей же час в Адмиралтейство... Впрочем, нет. Стойте. Поступим иначе. Я телефонирую туда сам, а вечером ждите курьера с бумагами. Передадите их своему капитану, он знает, что с ними делать.

– Владимир Стоянович, да объясните вы толком, о чем речь ведете! – опешив от напора князя, проговорил я. – Неужто и впрямь решили прогулочную яхту орудиями оснастить?

– Что вы, Виталий Родионович. Кто ж мне позволит такое учудить! Я, чай, не полковник иррегуляров, а чиновник на государственной службе. – Отмахнулся Телепнев. – А вот защитить ваш кораблик от чужого интереса я вполне могу... Всё. Езжайте, господин Старицкий, езжайте. Вечером всё узнаете. Вам понравится, обещаю.

И что на этот раз задумал ушлый князь? Впрочем, кажется мне, что ничего страшного он не затеял, а значит, подождем. Отказаться от его задумки я всегда успею.

Распознавшись с Телепневым, я отправился на встречу с репетиторами. Нужно было обговорить с ними предстоящий перерыв в наших занятиях, получить темы для самостоятельной работы, а там и двигаться дальше. Уж очень хотелось, чтобы в путешествии к нам присоединился Меклен Францевич... Ага, будет у меня на «Варяге» свой собственный доктор Ливси, почему бы и нет. Главное, чтобы обошлось без всяких Сильверов с флинтами и израэлями хендсами... Но тут уж, что называется, на всё воля капитана... Надеюсь, тесть, подбирая экипаж, внимательно отнесется к их смутному прошлому... Почему смутному? Да потому, что даже в «том» мире матросы коммерческого флота редко отличались кристальной чистотой биографии... ну, если конечно, не говорить о советских мореманах, да и то с ба-альшой натяжкой.

Репетиторы по праву и словесности, услышав мое заявление, хватили ртом воздух, словно вытащенные на берег рыбы. Пришлось срочно отпаивать бедняг вином. Благо встреча наша состоялась у Гавра, и в хорошем алкоголе этот ресторан недостатка не испытывал. Когда же мои учителя немного справились с собой и попытались закатить истерику на тему: «мы-ничего-не-успеем-вы-провалите-испытания-позор-на-наши-седые-головы», я еле смог остудить их пыл. Впрочем, после напоминания о том, что с этих же их слов начиналось мое обучение, репетиторы немного сдулись. И впрямь они уже успели убедиться в том, что с моей скоростью подготовки я вполне способен успеть выучить всё необходимое до начала испытаний. Так с чего бы им быть уверенными в том, что отправляясь в круиз, я потеряю набранный темп?

В общем, убедил. Так что, выйдя от Гавра, репетиторы рысью дунули по домам, готовить для меня темы и планы подготовки к испытаниям в их отсутствие.

А вот уговаривать Граца мне особо и не пришлось. Адъюнкт-профессор, как не имеющий собственной кафедры, был сравнительно волен во времени и без особых проблем мог выкроить три-четыре недели для путешествия по Варяжскому морю. Тем более, учитывая наш интерес к зарубежным университетам. А какой ученый откажется от возможности бесплатно прокатиться по странам да пообщаться с тамошними коллегами на свои, сугубо «профессорские» темы? А уж учитывая, природную легкость на подъем Меклена Францевича... В общем, я бы не удивился, если бы дня эдак через три он сам

явился ко мне с предложением составить компанию в намечающейся поездке...

– Знаете, Виталий Родионович, чем больше я вас узнаю, тем яснее вижу, насколько вы отличаетесь от нас, – проговорил Грац, выслушав мое предложение.

– Что вы имеете в виду, Меклен Францевич? – не понял я.

– Вашу стремительность, дорогой мой Виталий Родионович. У нас иные приказчики, в надежде на пай в хозяйском деле, столь рьяны не бывают. Ведь вы лишь чуть больше полугода как в Хольмграде обосновались, а уж сколько всяких слухов округ вас вертится. – Усмехнулся профессор, блеснув стеклами пенсне.

– Ну уж, Меклен Францевич, тут я совершенно точно ни при чем. Слухи это вотчина хозяйки моей, Заряны Святославны, так что... – Рассмеялся я. – Вот, кстати, профессор, напомнили. Госпожа Смольянина велела вам попенять при встрече, дескать, совсем пропали, поди уж и дорогу-то к ее дому забыли.

– Не по моей вине, Виталий Родионович, не по моей вине, – со вздохом ответил Грац и пустился в объяснения. Странный такой, чего передо мной-то оправдываться? Или это он тренируется перед тем, как то же самое Заряне Святославне высказать? Так мне почему-то думается, что ей совсем по барабану, в какие-такие исследования ударился профессор и с кем из коллег на этом поприще успел поссориться... в смысле вступить в полемику. Именно в таком духе я и высказался. В ответ Грац на мгновение застыл с совершенно изумительным выражением полного ошеломления на лице и отмер, только когда я сунул ему в руку бокал с излюбленным порто... Что-то мне сегодня везет на роль жреца Бахуса. Уж третьего профессора за день, вином пою...

– Так вы, думаете, Заряне Святославне сие будет не интересно? – Наконец, пришел в себя Меклен Францевич.

– Хм. Профессор, я в этом абсолютно уверен. Мнится мне, что госпоже Смольяниной куда больше хочется быть уверенной в том, что вы не подыскивали себе новый салон и иных собесед... ниц.

– Но... ведь... а я... Право, Виталий Родионович, совсем вы меня с панталыку сбили. – Опустошив бокал, Грац отставил его в сторону и тяжело вздохнул.

– Так что передать Заряне Святославне? – Пряча улыбку, спросил я. Блин, ну как будто восемнадцать лет профессору. Алеет, словно пионерский галстук на парадной линейке. Тоже мне Ромео... Хотя я и сам не лучше. Вот как подумаю, что мне до самой Красной Горки Лады не видать, так не то что краснеть... материться хочется. А что делать... Будем спасаться «колкой дров».

Вечером, как и обещал князь Телепнев, прибыл курьер из Адмиралтейства. Вопреки моим ожиданиям, это оказался вовсе не нижний флотский чин, а офицер в форме фельдъегерей. Вручив мне засургученный пакет и получив подпись на бланке, он коротко кивнул и, взлетев в седло припаркованного у крыльца черного мерина, унесся по каким-то своим фельдъегерским делам. А мне не осталось ничего иного, кроме как отправить Лейфа к отцу. Заодно сын ушкуйника был снабжен запиской для Лады и выпрошенным для нее же у Смольяниной букетом цветов.

Сказать, что Белов был удивлен содержимым присланного из Адмиралтейства пакета, значит ничего не сказать. Старый пират всю следующую неделю пребывал в эйфорическом состоянии, причину которого мне понять так и не удалось. Добиться от этого морского волка более вменяемых объяснений, чем невнятное бормотание о защите некоего «второго класса», я так и не смог. Да и Лейф, уж на что подкованный в плане ушкуйных заморочек молодой человек, и тот лишь непонимающе пожимал плечами, когда я пытался его разговорить. Кажется, эта самая защита и для него была «темным лесом». Ну и черт бы с ней. У меня и без того занятий хватает. День свадьбы всё ближе, и количество неотложных дел растет прямо-таки в арифметической прогрессии. А ведь ни подготовку к испытаниям, ни мои занятия с охранителями, равно как и посиделки нашей опытно-конструкторской банды, никто не отменял. Так же, как и мои тренировки с Тихомиром.

На фоне всей этой закрутившей меня карусели как-то незаметно прошли проводы уезжающих на фронт Мстиславского со следователем и сопровождающих их охранителей из числа моих питомцев. Потом Белов представил мне команду, набранную им на пару со старым приятелем Шульгой, здоровенным седоусым и чубатым дядькой самого что ни на есть боцманского вида. И это экипаж яхты?! Чушь! Дюжина лихих ушкуйников с ухватками серьезных бойцов и такими «наивными» глазами, что руки сами тянутся

перепрятать кошелек куда-нибудь подальше... в приваренный к полу сейф, например. Потому как, если не приварить, унесут кошелек вместе с сейфом. Что я там про пиратов шутил? Так вот, беру свои слова назад. Тот же стивенсовский Сильвер этим ушлым мордам и в подметки не годится. Ушкуйники, одно слово... Как бы они какую дрекку во время круиза на abordаж не взяли, так, чисто по привычке...

Повздыхав и высказав свои опасения, чем вызвал жизнерадостный гогот этих товарищей, я устроил им грандиозную попойку... и свадебный обряд для меня начался на неделю раньше. Иными словами, эти... морские волки облезлые, с попустительства Белова, самым наглым образом поперли у меня Ладу! И ладно бы они отдали её за выкуп, так нет же. Пока я не набил морду последовательно каждому ушкуйнику, защищавшему дом, в котором они сховали мою невесту, ни о каком возврате и речи быть не могло. А последним на моем пути оказался Лейф... тоже мне почитатель традиций. Ведь ни словом не обмолвился о том, что затеял Белов при поддержке экипажа. Думаю, объяснять, что будущему родственнику досталось поболее, чем остальным, не надо. Хотя, если бы в защите невесты принимал участие мой будущий тесть, ему бы прилетело куда как солиднее. Но чертов ушкуйник решил, что его участие в этом дурном спектакле не самая лучшая идея... Жаль.

А через три дня после нашего с Ладой венчания в церкви экипаж «Варяга» в полном составе слинял в Конуград готовиться к выходу, и этот факт вызвал немало облегченных вздохов среди нижних полицейских чинов Хольмграда, коим за прошедшие две недели крепко досталось от буянящих ушкуйников. Нет, не подумайте ничего такого, полицейские в долгу не оставались... но ходить две недели подряд с постоянно подновляемыми упрямыми моряками бланшами удовольствие невеликое. И какая разница, что ушкуйники тоже не могли похвастаться целостным видом своих «фасадов»? Городовой, подсвечивающий себе дорогу «фонарем», это неэстетично, и пятнает честь мундира! По крайней мере, именно так выговаривал мне на третий, так называемый, мужской день[7 - Женский и мужской день — соответственно второй и третий день после свадьбы, когда молодые приходят в дом к родителям. На второй день навещают родителей невесты, а на третий – родителей жениха. Навестив родителей жены, жених со товарищи оставляют молодую с ними, вроде как для прощания, а сами, по идее, отправляются в дом новобрачных, чтобы навести там порядок... Естественно, дело заканчивается пьянкой (но не запоздавшим мальчишником, за такое можно и поплатиться, а уж слава дурная так точно не минует. Зато гульба с угощением всех встречных поперечных и мордобоем вполне себе в порядке вещей).], после свадьбы княжич Туровской. Пришлось кивать с виноватым видом

и внимать... внимать.

– Ну что ж. На сем, пожалуй, закончим нашу душеспасительную беседу... Слышь, Виталий Родионыч, а у тебя в доме чего-нибудь бодрящего не найдется? – закончил свою тираду наш свадебный генерал, отнимая от распухшей скулы травяной компресс с фирменным смольянинским наговором. М-да. А здорово он вчера мне спину прикрыл от околоточных, что нас в ресторанчике на Неревском повязать вздумали... И как они своего шефа только не узнали, а?

– Найдем, как не найти, Бернгардт Брючеславич. – Я попытался принять сидячее положение на диване и протянул руку к колокольцу. От звона этой серебряной сволочи нас с Туровским перекосило одновременно. А спустя минуты три в дверях гостиной появился бледный покачивающийся Лейф, одной рукой обхвативший голову, а другой прижимающий к груди небольшую кадушку с рассолом. Спаситель!

Глава 6

Стук колес и плеск волны...

Просто поразительно... Насколько удивила и даже шокировала меня предыдущая поездка в здешнем экспрессе, с которой, собственно, и началось мое знакомство с этим миром, настолько же я сейчас готов проклинать этот чертов поезд! Нет, не подумайте, он ничуть не хуже того, что доставил меня из Киева городища в Хольмград. «Ладожский экспресс» также комфортабелен, основателен и добротен. Вот только возникла у меня одна проблема... мы с супругой вынуждены ехать в разных купе. Оказывается, брать в экспрессе одно купе или, как здесь принято их называть, один «номер» на двоих, считается неприличным... то есть это не то чтобы совсем уж моветон... нет, если мужчина желает, он может ехать в одном «номере» с дамой, вот только в глазах окружающих снобов такая женщина будет выглядеть весьма предосудительно. Подозреваю, что это заговор железнодорожников, чтобы слупить побольше денег с пассажиров! Потому как ничем иным объяснить столь странный выверт я просто не могу.

Бред, конечно, но здесь так принято! Нет, можно было бы, конечно, начхать на эти условности и, касаясь дело только меня, я бы так и поступил, не сомневаясь ни секунды. Но Лада... Позволить двусмысленные ухмылки в её сторону я не могу. Черт, да меня даже от по-мужски вполне понятных оценивающих взглядов, брошенных на перроне двумя офицерами в сторону моей супруги, чуть в боевой режим не вышвырнуло! И не от того, что это я вдруг в «отеллы» подался, вовсе нет, просто мне отчего-то показалось, что эти взгляды оскорбляют Ладу. Не меня, а ее! Никогда ничего подобного не испытывал, а тут вот, получите и распишитесь, что называется. Может, это и есть ревность? Не знаю.

Но даже если это и так, то я просто боюсь представить, что будет, если на мою супругу начнут смотреть как на даму легкого поведения. Я же тогда этот поезд в могильник превращу... ну, может, и не могильник, но в стоматологический кабинет после посещения его ротой сладкоежек запросто. Зубы лопатами с пола собирать будут. Не, на фиг, на фиг, как пелось в одной замечательной песенке. Пусть будет два купе, и пусть господам железнодорожникам эти лишние восемь рублей в глотке колом встанут! И спасибо Грацу за своевременную подсказку, а то могло бы совсем некрасиво получиться...

В общем, во время нашей поездки в постель к собственной жене я мог попасть только после некоторых ухищрений. То есть вечером я провожал её из салона до двери в номер, касался щеки целомудренным поцелуем, после чего отправлялся к себе. Там я, выжидая некоторое время, приводил себя в порядок, при этом старательно отслеживая всеми своими куцыми ментальными способностями движение в коридоре, и, лишь убедившись, что горизонт чист, подкрадывался к двери купе Лады, чувствуя себя при этом то ли восторженным мальчишкой, то ли полным идиотом. Хотя... нет, все-таки щенячьего восторга было больше. Правда, в первое же утро нашего путешествия, сразу после завтрака, Берг, обосновавшийся в следующем за купе Лады номере, пригласил меня в пустой по раннему времени салон, «выкурить по трубочке», где, чуть ли не заикаясь от смущения и поминутно краснея, предложил научить меня звукоизолирующему наговору, из чего я смог сделать вывод, что кажущаяся основательность и монументальность постройки здешних вагонов ввели меня в заблуждение... Вот тогда-то и настала моя очередь смущенно хмыкать. Что, впрочем, не помешало мне тут же согласиться с предложением Высоковского.

Ну а едва я смог сам создать подобный наговор, мы тут же дружно забыли об этом курьезе.

Наше путешествие на поезде длилось три дня. За это время экспресс миновал Псков, Оршу, Минск, Гродно, Белосток, после чего свернул с основной, Любекской магистральной и, наконец, прибыл в Конуград. Признаться, когда я только озабочился покупкой билетов на всю нашу «экспедицию», то, знакомясь с картой железнодорожных маршрутов, немало удивился такой странной их прокладке. Но профессор Грац, заметив мое недоумение, расставил всё по своим местам.

Прибалтийские области, исторически сильно завязанные на ганзейскую торговлю, первыми были обеспечены чугуном, едва та выросла из детских штанишек и стала представлять собой более или менее эффективный способ доставки грузов... И вот здесь сказался тот факт, что строительство железных дорог в Прибалтике, в отличие от остальной территории Руси, велось Ганзейским союзом, организацией, по сути, международной, с центром в венецианском Любеке... В результате Прибалтика сначала получила узкоколейку, а уж потом была проложена государева железная дорога, причем, одна из основных её магистралей, та самая, по которой большей частью и пролегает наш путь, идет много южнее, в обход Прибалтики, вытягиваясь длинными «усами» лишь к портовым городам. А сама эта магистраль ведет к вышеупомянутому Любеку, являющемуся, помимо ганзейской столицы, еще и резиденцией венецианских королей[8 - Венецианские короли – поморяне, после поражения, нанесенного ими Роскильскому Волку, низложили «назначенного» Акселем Абсаломом венецианского короля, служившего ширмой для этого «серого кардинала» – ставленника Вальдемара I, необходимой ему, поскольку князьям церкви было запрещено возлагать на себя знаки мирской власти. Собственно, до появления на горизонте ушедшего Роскильского Волка, у венецианцев не было никаких королей, но, сместив неугодного правителя, совет вождей решил оставить этот институт власти (кстати, при полной поддержке русичей и славян, князьям которых было легче договариваться с единым представителем поморян, чем со всем их советом), и возложили корону «на достойнейшего» – кнесь Водима, чьи потомки до сих пор правят Вендом, являясь одной из старейших монархических династий в Европе.]. Такой вот подарок сделал предыдущий русский государь своим августейшим союзникам. При этом, если я правильно понял, то ганзейцы до сих пор до хрипоты спорят на собраниях о переводе «своей» чугуны в Прибалтике на широкое полотно. Причем, если «северяне», торгующие на Руси и доставляющие к нам товар морем, ратуют за широкое полотно, так как им мало существующих колываньского, мемельского и конуградского «усов» государевой железной дороги, то венды и «южане», торгующие с Рейхом, Бургундией, Францией и иже с ними, упираются изо всех сил. Их-то узкая колея, принятая почти повсеместно в Венде и странах их торговых партнеров, устраивает как

нельзя лучше, и тратиться на совершенно ненужную перестройку дорог они не желают. В результате в Прибалтике до сих пор действуют две железнодорожные системы, пересекающиеся лишь в крупных железнодорожных узлах, что не добавляет ни скорости, ни удобства перевозкам грузов. В общем, веселье то еще. Да и пропускные возможности государственной дороги не так уж велики. Иначе бы наш экспресс добрался до Конуграда максимум за сутки. А так ползли целых три дня... Зато кормили в экспрессе как бы не лучше, чем у Гавра в Хольмграде.

Конуград встретил нас шумным пассажирским Старопрогольским вокзалом, расположившимся чуть ли не в центре города. К счастью, нам не понадобилось искать извозчиков на всю нашу компанию. Предупрежденный о времени нашего приезда, Белов позаботился о доставке пассажиров «Варяга» в одну из гостиниц Старого города. Он встречал нас на перроне, утопающем в клубах пара. Вот уж действительно «морской волк»! И куда только делся хольмградский обыватель в неброском костюме? Сейчас на перроне глыбой, скалой в бушующем людском море, стоял капитан, словно сошедший с картинки. Да, пусть его отутюженная черная форма не несет никаких знаков различия, а «краб» на фуражке не похож на эмблему русского военного флота. Зато дымит зажатая в зубах трубка, поблескивает редкой сединой аккуратная «шкиперская» борода... В общем, образцовый «первый после бога». Окинув взглядом нашу разномастную компанию, тесть позволил себе легкий вздох, но тут же усмехнулся в усы, и мы, поздоровавшись, направляемся к выходу. Черда грузчиков с нагруженными многочисленным багажом моих спутников тележками, катится за нами, а мы держимся в кильватере Белова. А выйдя из помпезного здания вокзала, оказываемся на небольшой площади, где уже застыли в ожидании пять открытых колясок. Будем надеяться, что мы в них поместимся.

Мои опасения, что наша компания не сможет разместиться в пяти экипажах, не оправдались, и спустя несколько минут тесть дал отмашку к началу движения. Вереница колясок миновала Высокий мост, Медовый мост, выехала на остров и, обогнув кафедральную площадь, покатила через Кузнечный мост, в сторону детинца... Хм. А ведь похоже, очень похоже на Калининград, каким я его помню по паре поездок. И названия мостов и даже расположение храма и замка. Вот только здесь и храм и замок совсем не те, что кенигсбергские... Храм, православный пятиглавый, вздымающий купола к небу, ярко сияет позолотой на синем, без единого облачка, фоне, да и замок, вокруг которого мы только что проехали, совсем не похож на тот, что запомнился мне на «том» свете. Ну да, а чего еще ждать, если эти земли не знали ни тевтонцев, ни ливонцев... И родной язык для этих мест – прусский, чуть щелкающий, но при этом какой-то мягкий

мелодичный говор, доносящийся со всех сторон, непривычный для моего уха, но приятный и почти полностью понятный. Да уж, это вам не ядреная карпатская смесь, которую и не всякий хохол уразумеет... Зато мосты, кажется, те же самые... ну насколько я могу судить. Вот кстати, интересно, а здесь кто-нибудь уже отгадал знаменитую загадку Города Семи Мостов? Или так до сих пор и кружат по Старому городу гоняющие лодыря господ, пытаюсь пройти по всем семи мостам, не ступив ни на один из них дважды? Хотя наверняка и в этом мире был свой Эйлер...[9 - Загадка Города Семи Мостов — издревле так называли Кенигсберг. А загадка довольно проста и не менее стара, чем это прозвище. Звучит она так: можно ли пройти по всем семи мостам города, не ступив ни на один из них более одного раза? Решить эту загадку, математически, смог Леонард Эйлер со своей знаменитой теорией графов.]

Катятся коляски на железном ходу, высекая искры из брусчатой мостовой, рядом со мной улыбается теплому солнышку Лада и иногда ежится от порывов довольно свежего ветра, набегающего с залива. А мимо проплывают высокие каменные дома, украшенные лепниной и резьбой. Вот еще одно отличие: архитектура Конуграда не похожа ни на «ту», вычурную немецкую, ни на уже привычную по Хольмграду белокаменную русскую. Высокие, выстроенные вплотную друг к другу дома с многочисленными двускатными крышами, украшенными затейливой резьбой, накрывающими разнообразные пристройки, балкончики и узкие веранды.

Кое-где над домами возносятся небольшие башенки с шатровыми крышами и узкими стрельчатыми окнами, забранными мелкими ромбиками стекол... Странная, чудная, но завораживающая архитектура, она увлекла меня настолько, что я даже не сразу заметил, что мы уже прибыли в гостиницу.

Портье, невозмутимый как английский дворецкий, коих здесь в общем-то нет, за неимением самой Англии, не спасовал перед поставленной задачей и довольно шустро развел нашу многочисленную компанию по забронированным или, как здесь выражаются, «записанным» номерам. При этом как-то так незаметно получилось, что наш с Ладой номер оказался с одной стороны соседним с номером Высоковских, а в номере с другой стороны поселилась тройка охранников. Впрочем, соседями Берга и Хельги также оказались оставшиеся двое охранителей. Взяли нас в «коробочку»... В номерах же, расположенных напротив, поселились Лейф, Тихомир Храбрович, профессор Грац и несколько угрюмый худощавый молодой человек по имени Леопольд Юрьевич, с фамилией, поначалу вызывавшей у меня неизменную улыбку – Попандопуло. Естественно,

что ассоциация никак не была связана со знаменитым шахматным композитором[10 - Попандопуло, Авенир Николаевич (01.05.1920— 24.05.1988) – доктор технических наук, профессор, советский шахматный композитор, международный мастер и международный арбитр по шахматной композиции.]. Не знаю, может, Леопольд Юрьевич потому и был сердит, что заметил мои попытки задавить ухмылку, когда Горбунов представил его как своего помощника, которого он и командирует в путешествие с нами по Варяжскому морю. А может, Лёвушку, как уже через полчаса знакомства окрестили вежливого молодого грека наши дамы, просто замотали сотрудники канцелярии, пригласившие его перед отъездом на короткую беседу и промариновавшие в присутствии добрых три часа? Кто знает... Одно могу сказать точно, несмотря на некоторую угрюмость, Попандопуло оказался весьма эрудированным собеседником и толковым специалистом, с ходу ухватившим идею модернизации накопителей и ориентации их на применение с электропроводящими и преобразующими конструктами.

Я понял! Это заговор железнодорожников и владельцев гостиниц! Почему? Потому что наш с Ладой номер оказался трехкомнатным. Две спальни и гостиная. Нет, я понимаю, что тем же Высоковским, например, как брату и сестре, лучше всего подходят именно такие апартаменты, но мы с Ладой женаты, так на кой нам лишняя спальня в номере? Черт знает что! Может, здесь и принято ходить из комнаты в комнату для исполнения супружеского долга, но лично я не собираюсь тратить время на бессмысленную беготню. Хотя, помня разговор с Грацем по поводу отдельных купе в экспрессе, требовать другой номер, я, опять же, не стану. Нет, но какие ловкие деляги эти самые владельцы гостиниц и поездов. Хорошо еще, что не пришлось оплачивать отдельные номера для нас, но это если посмотреть с одной стороны, а вот если глянуть немного иначе... Говорю же, заговор это... построенный на ханжестве и искусственно раздуваемой псевдонравственности общества. Вернусь в столицу, обязательно доложу князю Телепневу. Заговоры это его епархия, вот пусть и разбирается... А Лада всё одно будет спать в моей постели.

Я побушевал на эту тему еще минут десять, изрядно развеселив своими истощными воплями, до того снова пребывавшую в странной меланхолии, жену, а когда, наконец, выдохся, мы закончили беглый осмотр наших апартаментов и спустились в холл гостиницы для встречи с остальной частью нашей команды.

Поскольку «Ладожский экспресс» прибыл в Конуград уже после полудня, то прогулку по городу, как и знакомство с «Варягом», было решено отложить на

следующий день, так что оставшееся до обеда время каждый из нас оказался волен потратить так, как нам было угодно. Правда, отсиживаться по своим комнатам члены нашей экспедиции не стали. Хельга и Лада устроились в номере Высоковских, пошущукать о своем, о женском. Берг вместе с Грацем оккупировали небольшой светлый салон на первом этаже гостиницы, а Тихомир с Лейфом уже расхаживали по небольшому внутреннему дворику и явно оглядывали его на предмет пригодности использования в качестве места для наших тренировок, что неудивительно, поскольку перед своим отъездом в порт, Белов предупредил о трех-четырех днях, которые мы вынуждены будем пробывать в гостинице перед отъездом. Какая-то заминка с оформлением документов... Один только Попандопуло заперся у себя в номере и тут же принялся что-то строчить в своем блокноте. Кажется, это были вычисления по проекту нового накопителя, о котором они спорили с Бергом чуть ли не все три дня нашего пути из Хольмграда в Конуград. В результате наша компания разбилась на группы, а я, после недолгого размышления, занялся своим «домашним заданием» от репетиторов.

Обед... хм, кто бы мне сказал год назад, что для того, чтобы не лечь спать голодным, мне нужно будет обязательно переодеваться для выхода к столу и запоминать как минимум восемнадцать столовых приборов с учетом специфики применения каждого из них, я бы, наверное, долго смеялся... А вот поди ж ты. Честно, раньше я считал, что подобный официоз был принят в царской России лишь в так называемом «высшем свете», выходит, ошибся. Здешний «средний класс», оказывается, формализован ничуть не меньше, а как бы и поболее, чем верхушка общества. Аристократы вполне могут позволить себе некоторую вольность в манерах, порой даже на официальных мероприятиях, тогда как «мещане» позволяют себе расслабиться лишь в кругу семьи либо компании близких друзей... хотя есть еще рестораны, там также не принято усложнять застольный этикет. Правда, к гостиничным ресторанам это допущение не относится. В этом-то и состоит одна из причин, по которой я вынужден сейчас наряжаться в вечерний костюм. А вот вторая причина в том, что несмотря на вполне дружеские отношения, царящие в нашей небольшой компании и потому допускающие некоторую вольность в общении и этикете, среди нас есть новая личность, эдакая «темная лошадка» по имени Леопольд Юрьевич Попандопуло. Потому-то первый обед в Конуграде стал для меня настоящим испытанием манер и выдержки. Вот интересно, а ведь инженер наверняка понимает подоплеку всего этого официоза за столом. Но держится уверенно. Нет, точно, нужно как можно быстрее наводить с ним мосты, потому как если и на «Варяге» наши «трапезы» будут проходить так же церемонно, как сегодня, я не выдержу и двух дней, а при появлении на горизонте какого-нибудь нордвикского «купца»,

первым буду ратовать за абордаж! И команда Белова меня поддержит. После чего мы взбунтуемся против нашего капитана и моего тестя, поднимем на гафель «Веселого Роджера» и, переименовав «Варяг» в «Золотую лань»[11 - «Золотая лань» – здесь намек на флагманский корабль сэра Френсиса Дрейка, галеон, изначально называвшийся «Пеликаном», и переименованный знаменитым пиратом и мореходом в первом же его походе, в честь покровителя Дрейка – лорда-канцлера Кристофера Хаттона, в гербе которого как раз и была изображена лань. Правда, помимо этого «животного», сэр Френсис увел у лорда и его фамильный девиз: «Cassis Tutis Sima Virtus» (прим, перевод: «Храбрость – лучшая защита»). Но сведений об отношении самого Хаттона к такому поведению своего протеже история не сохранила, а потому, на мой взгляд, и Виталий Родионович вполне может, в свою очередь, «позаимствовать» название корабля у знаменитого пирата.], отправимся в Новый Свет... Черт, какая только дурь в голову не лезет. Нет, точно, надо что-то делать с этими китайскими церемониями, а то так и свихнуться недолго.

Кроме прочего, у меня появилось огромное желание пообщаться со здешним поваром. Разбалованный Лейфом и столичным общепитом, мой желудок весьма активно воспротивился той стряпне, что оказалась на наших тарелках этим вечером. И если я правильно понял выражения лиц профессора Граца и всё того же Лейфа, таковое желание появилось не у меня одного. С другой стороны, и Лада с исследователями, и инженер с Тихомиром, кажется, остались довольны угощением... Ну да кто поймет ученых и женщин?!

Правда, в ходе долгой и приятной беседы в салоне, куда мы перешли из-за стола, и я и Меклен Францевич несколько подобрали после пары бокалов столь любимого нашим штатным патологоанатомом порто и решили дать местному повару еще один шанс. А вот Лейф всё никак не мог уговориться и продолжал ворчать. Впрочем, его тоже можно понять, если мы с профессором просто гурманствовали, эдак, по-любительски, то Лейфа глодал перфекционизм настоящего мастера, столкнувшегося с халтурой... Так что успокоить беднягу стоило нам немалых трудов. Но мы справились.

М-да. Но если завтрак окажется таким же, как и ужин, то либо придется дать добро Лейфу на проведение разъяснительной работы с местным «шефом», либо мне придется переключаться в «боевой режим», в котором любая пища оценивается только по принципу её питательности, а вкусовые ощущения не котируются вообще. Не хотелось бы, честно говоря. Я уже начал отвыкать от подобных «подвигов» и возвращать столь основательно и с удовольствием

забытые привычки никак не входит в мои планы. В конце концов, я только-только начал вживаться в роль респектабельного столичного хлыща...

Следующее утро началось для нашей компании со вполне приличного, хотя и несколько раннего, на мой взгляд, завтрака. Впрочем, испортить томатный омлет и горячие тосты с севрюгой довольно трудно... А вот после завтрака меня ждала весьма неприятная новость. К полудню в гостиницу приехал наш капитан и с кислой миной попросил меня составить ему компанию в поездке к портовым властям. В результате на прогулку по Конуграду в этот день я так и не попал.

– Так все-таки, Важен Рагнарлович, что такого произошло с «Варягом», что требуется мое присутствие в порту? – начал я допытываться у тестя, едва мы уселись в пролетку.

– С «Варягом» всё в полном порядке... почти. Припасы загружены, документы выправлены, команда с яхтой знакома... Даже пару ходовых уж исполнили, – со вздохом проговорил Белов. – Тут немного другое, Виталий.

– И? Важен Рагнарлович, я что, должен клещами слова из вас тянуть? – не выдержав молчания капитана, поторопил я его.

– Извините, задумался, – вынув изо рта потухшую трубку, проговорил Белов. – Вот ведь какое дело, Виталий. У нас есть разрешение на установку защитного оборудования на «Варяг», вот только, несмотря на её простоту, подобное действие проходит по судовым документам не как ремонт и наладка, а как глубокое усовершенствование судна... а у меня на таковое прав нет.

– И это все? – удивился я. – Из-за такой безделицы вы и ходите чернее тучи грозовой? Важен Рагнарлович, я вас не узнаю... Вы же могли мне телеграфировать, и мы бы решили этот вопрос за несколько минут! На что еще банковский телеграф[12 - Банковский телеграф — считается одним из надежнейших способов передачи информации. Условия его работы таковы, что существует даже возможность составления документов и заверения подписей отправителей, имеющих такую же силу, как если бы такие документы и подписи были засвидетельствованы стряпчими.] нужен?!

– Каюсь, Виталий, не сразу обратил внимание на этот момент, закрутился. Да и кто же знал, что оно так обернется? Ушкуи-то мы на своих верфях оснащали, без

всякой бюрократии... Вот и запомнил. Впрочем, оправдываться я не собираюсь, последнее это дело. Но если бы это было всё! Это мелочь, тут вы правы, её за полчаса поправить можно. Да еще за полдня контур установить, и всего делов. Вот только... – Тесть махнул рукой. – Я тут проверил кое-что и выяснил следующую вещь. По штату на «Варяге» установлено две пары накопителей трехсуточного хода, мощностью в сорок единиц. Но третьего дня мы закончили ходовые испытания для расчета отвода энергии на защитный контур... Больше пяти единиц без потерь для иного питания, активные накопители дать не смогут, износ у них уж больно велик, да и негоже судно без резерва держать. А для полноценной работы контура нужно не менее пятнадцати единиц...

– А если на контур задействовать подменные накопители[13 - Судовые накопители устанавливаются парами. Минимальное количество пар – одна (в такой установке один накопитель работает, второй находится в «спящем» режиме, до полной разрядки первого, после чего пустой активный накопитель глушится и ставится на зарядку, а его работу выполняет т. н. подменный накопитель).]? – поинтересовался я.

– Можно, но тогда сокращается запас хода. – Развел руками Белов и, заново раскурив свою трубку, договорил: – Оно, конечно, не так уж и страшно, но случись что, а мы пустые... нехорошо. Впрочем, накопители же можно и заменить. Я уж и подходящие агрегаты подыскал, по знакомству, так сказать. Последней выделки, новенькие, только-только на верфи доставили. Посадочные гнезда на них такие же, мощность чуть ли не вдвое выше от прежних, да и отдать их готовы с зачетом наших накопителей. Вот только для этого нужен инженер с Хольмского завода, чтоб за снятием и установкой накопителей присмотрел, да акт подписал, а его ж вытребовать еще надо! В общем, всё не слава богу...

– Не надо, Важен Рагнарлович. Есть у нас в экспедиции такой инженер. – Усмехнулся я, одновременно пытаюсь угадать, знал ли о подобной возможности развития событий Телепнев, когда присылал из Адмиралтейства тот пакет? – Горбунов откомандировал своего помощника в наше распоряжение, так что здесь проблем не будет, я думаю. Вот только... во сколько мне обойдется смена этих самых накопителей, а, Важен Рагнарлович, и когда мы с этими переделками в море выйдем?

– Цена им будет тысяч пять, с учетом стоимости старых накопителей, – тут же отреагировал повеселевший Белов и понимающе покивал. – Не прогадаете, Виталий, уж это я вам точно обещаю. После установки контура цену за яхту можно будет взять и поболее, чем рассчитывали. Уж поверьте, и траты отобьете и внакладе не останетесь. А на установку да калибровку трехчетырех дней довольно будет.

Думал я недолго, так что, развернув извозчика, уже через десять минут мы вернулись в гостиницу и, забрав Попандопуло, рванули в порт решать вопрос с покупкой и установкой новых судовых накопителей...

Часть 2

Глава 1

Выходим завтра в море

Повидать в этот день яхту мне так и не удалось. Сначала решали в порту вопрос с установкой защитного контура, оттуда переместились в местное отделение Особой канцелярии, где коллеги должны были подтвердить подлинность разрешительных документов. Хорошо еще, что тесть вовремя сориентировался и, пока я общался с охранителями, доставил нашего инженера на верфи, для осмотра новых накопителей. А то бы растянулись наши походы дня на два. К Попандопуло я смог присоединиться лишь ближе к вечеру, когда тот уже заканчивал разбираться с документацией на передаваемые нам агрегаты, в присутствии трех представителей судостроительной верфи Быхова.

– Ну, что скажете, Леопольд Юрьевич, по поводу наших обновок? – поинтересовался я у инженера, когда отыскал его в одном из закутков небольшой конторы, расположенной чуть ли не у самых доков.

– Признаюсь честно, Виталий Родионович, идея с накопителями этой серии просто замечательна. Я, конечно, не большой специалист по судовым

установкам, но даже мне с первого взгляда ясно все изящество подобного технического решения, – покачивая головой, с намеком на улыбку проговорил Попандопуло.

– Вот как? – удивился я, одновременно отмечая насмешливо-недоверчивые переглядывания и отблески этих эмоций в ментале у представителей быховской верфи. Кажется, они посчитали, что наш инженер слишком скромн. – И что такого изящного в этом решении? Я, честно говоря, человек весьма далекий от этих материй, предполагал, что мы просто меняем маломощные агрегаты на более емкие... Разве нет?

– В принципе верно, Виталий Родионович. – Покивал Попандопуло. – Но помимо увеличения емкости, мы получаем еще и большую, по сравнению с прежними, устаревшими накопителями, гибкость установок, в плане подключения к ней дополнительных, непрофильных механизмов и структур. Весьма перспективное решение... Особенно учитывая тот факт, что «Варяг» построен по проекту, которому ныне уже более пятнадцати лет, и многие системы на нем, скажем так, несколько... м-м... отстают от нынешних и, как следствие, куда как более энергоемки. С новыми же накопителями проблема дефицита энергии исчезнет, что позволит перевести некоторые конструкты в режим постоянного действия. А это, несомненно, облегчит работу команды и управление яхтой в целом...

– Хм. Леопольд Юрьевич, прошу прощения, – вмешался я в монолог инженера. – Время позднее, а нашим уважаемым контрагентам еще предстоит сформировать и прислать на «Варяг» монтажную команду. Давайте сначала закончим здесь, а по дороге в гостиницу вы мне обстоятельно поведаете о перспективах... Хорошо?

– Ох, да. Разумеется. – Блеск в глазах увлекшегося исследователя потух, и он, смутившись, согласно кивнул, после чего повернулся к до сих пор молчащим «быховцам». – Прошу прощения, господа, я несколько увлекся. Извольте передать господину Старицкому, как заказчику, бумаги, дабы он мог ознакомиться с условиями предложенного вами контракта...

Вот тут-то приказчики и зашевелились. Кажется, они только сейчас поняли, что я и есть заказчик. Впрочем, ничего удивительного в этом нет. После утреннего разговора с тестем я понял, что прогулка по городу мне сегодня не светит. Ну а предполагая, что придется изрядно полазять в порту и на яхте, по возвращении в гостиницу за инженером, я заодно переоделся в немаркий и не особо

стесняющий движения «охотничий» костюм и удобные ботинки на высокой шнуровке, чем-то напоминающие родные берцы, с тем, чтобы потом не жалеть о случайно вымазанном в мазуте рукаве пиджака или утративших блеск туфлях. Нетрудно понять, что в таком виде я вовсе не был похож на владельца яхты... Впрочем, быховским приказчикам на мой вид оказалось плевать. Как только они уяснили, кто заказывает музыку, тут же на стол передо мной легли отпечатанные, очевидно, на некоем местном подобии «ундервуда», листы контракта... Пробежав взглядом по тексту и убедившись, что представленный документ не является купчей на «Варяг», или иной «подставкой», я подписал контракт и вручил его подскочившему приказчику.

А на обратном пути Попандопуло пришлось изрядно потрудиться, рассказывая мне о выгодах предстоящей замены накопителей. Несмотря на то что Леопольд Юрьевич старательно избегал специфических терминов, понимал я в его речи, дай бог, с пятого на десятое. Единственное, что я уяснил твердо, так это то, что теперь, во время работы того же камбуза, яхте не придется снижать ход, чтобы компенсировать расход энергии, и не вывалиться из графика смены накопителей. Утрирую, само собой, но все-таки. Да и проблема с откровенно малым количеством энерговодов для дополнительной аппаратуры тоже оказалась решена таким образом. Иначе говоря, теперь на яхте нет необходимости выбирать между подключением радиотелеграфа и трюмным освещением, например. Кстати о трюмах, по возвращении в гостиницу, я, дождавшись Белова, тут же кинулся выяснять у него, что за ящики уже нашли пристанище в невеликом грузовом отсеке «Варяга». По крайней мере, об их наличии говорили записи в росписи груза, куда при мне вносили ЗИП накопителей. Тесть несколько смутился, но обещал рассказать всё после ужина. Что ж, посмотрим-послушаем, что еще учудил этот морской волк...

Это не «волк», это лис! Самый натуральный рыжий морской лис. Новая порода, очевидно... Этот ушлый тип, мой тесть в смысле, загрузил в яхту самый ходовой товар на Руяне, а именно: вина! Дюжина контейнеров, общим весом чуть больше восьми тонн, самого что ни на есть дефицитнейшего товара на острове. Он бы и больше загрузил, да свободной наличности не осталось... Когда же я поинтересовался, сколько он планирует выручить за этот товар по прибытии к ушкуйникам, Важен Рагнарлович глянул на меня с хитрым «ленинским» прищуром и, пыхнув трубкой, с улыбкой ответил, что не менее чем сам-три.

– А сколько еще такого груза может принять «Варяг», Важен Рагнарлович? – делано-равнодушно поинтересовался я у тестя.

– Ну-у, еще столько же точно потянем. – Пожал плечами капитан. – А что?

– Да вот, думаю, не примете ли и меня в эту вашу негоцию? – со вздохом признался я. Белов же удивленно на меня вытаращился и заперхал, наглотавшись ядреного табачного дыма.

– Так, Виталий... Это не моя, это ваша, как вы выразились, негоция! – откашлявшись, выдал тесть и, заметив мое недоумение, пояснил: – Груз закуплен на остаток тех денег, что были вами выданы изначально на экипировку к походу... ну и мы с командой пару тысяч доложили. Так что это не вы ко мне в пайщики напрашиваетесь, это я с командой к вам в «негоцию» влез.

– Умеее вы удивить, Важен Рагнарлович. – Покачал я головой. – И ведь не подкопаешься к вам за самоуправство! Деньги-то в судовую казну я сам отдавал... Эх! Так что насчет дополнительного груза, а, господин капитан?

– В центральный трюм можно загрузить еще тонн шесть-семь... Больше никак не получится, – со вздохом, ответил Белов. Кажется, Бажена Рагнарловича тоже начала грызть тоска по несбывшемуся. Ха...

– А если грузить в носовой? – поинтересовался я. Ну уж очень привлекла меня возможность, хоть немного отбить стоимость нашего похода.

– Качка. Вина там не разместишь. В уксус перейдут. – Поморщившись, покачал головой тесть. – Я и в центральном трюме, велел крепить контейнеры точно над килем... и то пришлось их на компенсирующие поддоны устанавливать, чтоб от бортовой качки груз защитить...

– Понятно. Ну что ж, тогда распорядитесь, чтоб догрузили трюм, насколько возможно. Чек на закупку я выпишу вам сегодня же. – Кивнул я. Вот ведь, а я и не знал, что перевозка вин такое непростое занятие... Впрочем, кажется, несуществующие здесь англичане, в свое время, ввели моду на портвейн, именно потому, что его можно было без проблем доставлять морем в метрополию, не опасаясь привезти вместо ароматного напитка переболтанную кислятину...

На следующий день я все-таки увидел свою яхту вживую. Вот ведь, никогда не думал, что разживусь подобной игрушкой, а оно вон как обернулось... На фоне

десятков торговых пароходов, стоящих под загрузкой, и пары военных кораблей, оцетинившихся стволами, «Варяг» действительно смотрелся игрушкой. Эдакий малыш среди пузатых взрослых дядек. Зато он был красив. Довольно низкий, стремительных обводов корпус черного цвета, белоснежные надстройки, тонкие шпили пары мачт и сияющие надраенной медью, массивные цилиндры накопителей, чуть возвышающиеся позади капитанского мостика. Наверное, любой мальчишка хоть раз в жизни мечтал бы оказаться на палубе такого корабля. Да, это не парусник, но в отличие от знакомых мне по «тому» свету судов, больше похожих на непонятно каким образом, вышедшие в море многоэтажки спальных районов, «Варяг» несет в себе какую-то неуловимую нотку той самой морской романтики, что знакома каждому, кто хоть раз в жизни, читая томик Сабатини, шел на abordаж вместе с капитаном Владом, или резал форштевнем волны на 37-й параллели, вместе с героями Жюль Верна. Я влюбился в свою яхту, и от её немедленного исследования, меня не удержало даже прибытие монтажной команды быховской верфи и их суета вокруг снимаемых и устанавливаемых накопителей. За этот день я облазил «Варяга» сверху донизу, побывал во всех помещениях, начиная от капитанского мостика и пассажирских кают и заканчивая матросскими кубриками, машинным отделением и трюмами. Правда, сохраняя лицо, пришлось отговариваться перед моими сопровождающими, в лице капитана и боцмана, тем, что я, как хозяин данного плавсредства, должен знать о нем всё... Не поверили, конечно. Судя по тому, как понимающе переглянулись эти морские волки, выслушав мою короткую речь, убедить их в том, что мой интерес сугубо практичен, мне не удалось. Ну и черт бы с ним со всем! Зато у меня есть свой корабль!!! Ну пусть яхта, ладно... И что? Многие ли могут похвастаться исполнением детской мечты? А вот я могу... Что самое забавное, пока я не увидел «Варяга» вживую, я и думать не думал, и помнить не помнил об этой мечте...

– Ну что, Виталий. Каково ваше мнение о яхте? – чуть иронично поинтересовался Белов, когда мы вынырнули из недр надстройки и оказались у остекленного эркера кормового салона.

– Красивый корабль. Стройный. – Честно вздохнул я, бережно проводя ладонью по тиковой накладке планширя. – Даже продавать не хочется.

– Хм. – Капитан с боцманом снова переглянулись, но уже не с усмешкой, а с каким-то... удивлением, что ли? Глянув на моряков, я встряхнулся и смог наконец вынырнуть из пучины морской романтики.

– Так. А теперь давайте определимся с кое-какими мелочами, – протянул я. – Во-первых. За время осмотра жилых помещений личного состава я так и не нашел ни одной душевой. Можете мне сказать, почему?

– Может потому, что их там попросту нет? – Приподнял бровь тесть. – Помывочная для экипажа устраивается раз в седмицу, на нижней палубе...

– Не пойдет. – Покачал я головой. Благо место, где можно было бы разместить нормальный душ для команды, я присмотрел там же, недалеко от кубриков. Был там такой закуток, рядом с галюном... И это был только один из моментов, который я отметил, обследуя свою собственность. Вообще, меня поразило, насколько роскошна (в моем понимании) была пассажирская часть яхты, настолько же непритязательна и аскетична оказалась часть, отведенная для команды «Варяга».

И ведь нельзя сказать, что этому мешали какие-то конструктивные особенности яхты. Нет, просто создавалось впечатление, что комплектация матросских кубриков, столового отсека, да и тех же галюнов, была проведена по остаточному принципу. Хорошо еще, что рабочие места были спроектированы с умом и, кажется, на мой дилетантский взгляд, были довольно удобны.

Едва до Белова и боцмана Шульги дошло, что все мои замечания касаются лишь условий жизни экипажа яхты, мореманы повеселели и с энтузиазмом принялись рассуждать о том, что еще можно улучшить. Когда они дошли до того, что надо переоборудовать один из трюмов левого борта под курительную комнату, я понял, что эти двое просто издеваются... Правда, после того, как я объявил тестю о терзающих меня сомнениях по поводу необходимости существования «адмиральского часа»[14 - Адмиральский час – здесь традиция, согласно которой, перед началом и по истечении первой вахты (т. е. восемь склянок или четыре часа), капитану, либо его первому помощнику, на мостике подавался полный кофейник и рюмка коньяка (либо водки, либо эрийской виски, в зависимости от наличия продукта на корабле). В РИ же это укоренившееся со времени Петра I шуточное выражение, обозначающее час, когда следует приступить к водке перед обедом. Как сам Петр, так и его сподвижники – сенаторы и члены коллегий – прерывали заседания присутствий для обеда в 11 часов и, возвращаясь домой, заходили выпить водки в устроившиеся тогда австериин.] на гражданском судне, смешки прекратились. А боцман, почуявший, что следующим моим нововведением может стать замена обеденной рюмки для экипажа вторым компотом, тут же сдал назад и уже вполне серьезно стал

прикидывать, какие работы нужно провести в доке, а с какими команда справится и в море... В общем, мы друг друга поняли.

А через два дня, едва солнце поднялось над горизонтом, «Варяг» вышел из дока и, проскользнув под бортом у огромного торговца, двинулся по недавно открытому Конуградскому морскому каналу, чтобы спустя четыре часа, миновав Вислинскую косу и Вограм, выйти в открытое море.

Вот тут-то «Варяг» и показал, на что он способен. Едва удалившись на пару миль от берега, Белов приказал дать полный ход. Палуба под нашими ногами чуть дрогнула, до ушей донесся тихий гул выходящих на маршевый режим накопителей, и яхта словно сорвалась с цепи. Взрезая форштевнем невысокие волны, «Варяг» понесся на запад со скоростью в двадцать четыре узла. Специально узнавал у тестя. Правда, ответив на этот вопрос, он тут же выставил меня с мостика, рывкнув для порядка и поддержания капитанского имиджа, и пришлось мне искать другое место, с которого можно было бы сполна насладиться открывающимися видами и скоростью хода моей яхты. Моей! Звучит-то как, а?

– Виталий Родионович! – Услышав раздавшийся из-за спины голос, я было подумал, что опять помешал кому-то из команды, и меня сейчас вежливо попросят отойти на пару метров в сторону, но обернувшись, увидел лишь Леопольда Юрьевича. Инженер с Хольмского завода, очевидно, уже успел нарваться на боцмана, громогласно рассуждающего о том, как, по его мнению, следовало бы поступать с нерадивыми пассажирами, болтающимися под ногами у занятых людей, поскольку с явной опаской оглядывался по сторонам и осторожно обходил суесящихся вокруг различных судовых приспособ матросов.

– Слушаю вас, Леопольд Юрьевич. – Кивнул я инженеру.

– Лада Баженовна уже велела накрывать к обеду в кормовом салоне. А мне наказала сыскать вас.

– Тогда чего же мы стоим? Идемте. – Я указал «Лёвушке» на как раз освободившийся от матросов проход по правому борту, и мы направились к салону. Двигаясь следом за инженером, мысленно я не переставал удивляться тому, как скоро решился вопрос о его «вписывании» в нашу теплую компанию. От недавнего официоза не осталось и следа. Немного освоившись в нашем

обществе, Попандопуло перестал «застегиваться на все пуговицы», оказавшись на деле чуть застенчивым, но весьма эрудированным молодым человеком, немного неуклюжим в быту, но чрезвычайно увлеченным изыскателем, что не прошло мимо внимания Высоковских. Но если Берг просто обрадовался такому совпадению интересов и увеличению числа понимающих оппонентов в их ежевечерних с сестрой и профессором диспутах на философские темы, то Хельга, присмотревшись к молодому человеку, призвала на помощь Ладу, и дамы тут же взяли инженера под свое крыло, опекая его, словно младшего родственника, эдакого немного неуклюжего растяпу-племянника... Чему Попандопуло, кажется, совсем не противился, моментально приняв как должное авторитет «тетушек» в бытовых вопросах и с удовольствием выполняя их указания и поручения. Зато в беседах о будущем естествознания инженер отрывался по полной программе, жестко отстаивая свою точку зрения даже перед Хельгой. В отличие от Высоковских, Попандопуло был искренне убежден, что дальнейшее развитие прикладной философии возможно только в тандеме с техническим прогрессом, и не стеснялся вступить в полемику по этому вопросу даже с такими признанными мэтрами естествознания, как тот же Берг.

Вот и сейчас, за обедом, несмотря на недавнее обещание, данное всеми исследователями, они опять сцепились в жарком споре, напрочь забыв обо всем на свете. Я обвел взглядом сотрапезников. Хельга внимательно следила за их беседой, так же как и брат, забыв о стынущем перед ней сырном супе, Тихомир и Грац тихо переговаривались о чем-то своем, и к их беседе прислушивался лишь сидящий рядом Лейф. А я, честно говоря, был рад, что не нахожусь на его месте, поскольку слушать во время обеда о различии раневых следов, оставляемых бебутом и абордажным палахом, не очень-то приятное занятие. А вот Лада, кажется, была сильно расстроена.

– Что случилось? – тихо поинтересовался я у супруги, на что та лишь тяжело вздохнула и указала взглядом на окончательно разошедшихся исследователей, уже принявшихся выкладывать хлебными палочками на белоснежной скатерти какую-то мудреную схему. Хм. Не удивлюсь, если вскоре в качестве наглядного пособия они привлекут посуду и столовые приборы. Я погладил Ладу по руке. – Оставь, пусть наговорятся. В споре рождается истина, так, кажется? Вот пусть и... того, рожают.

– Да ну тебя. – Улыбнулась она. – Мне отец с детства твердил, что едой играть нельзя...

– Ну так, может, пусть он и им об этом говорит, а? – Я кивнул в сторону сидящего у противоположного торца стола тестя, хмуро наблюдающего за действиями спорщиков.

– Это невежливо... – Вздохнула Лада, – всё же я хозяйка стола...

– А он капитан всего корабля, «первый после бога» и так далее. Так что имеет право. – Ухмыльнулся я, и Белов, словно услышав мои тихие слова, сказанные чуть ли не на ухо жене, вдруг треснул со всей дури кулаком об стол. А едва все присутствующие замерли на полуслове, разразился длиннющей тирадой, после которой наши спорщики стали похожи на подростков, получивших заслуженную взбучку. Красные от стыда и надутые от гнева.

– Право же, не стоило так резко, всё же они не дети малые. – Покачал головой профессор, но получив в ответ яростный взгляд капитана, примирительно взмахнул руками. – Молчу-молчу, Важен Рагнарлович.

Обед заканчивали в молчании, которое было нарушено лишь с уходом капитана. Постепенно наши изыскатели отошли от устроенного им разноса, и в салоне снова начался очередной спор между «менталистом» – Бергом и «техником» – Леопольдом. Правда, поскольку посуда со стола уже была убрана, а кофейные приборы были недостаточно многочисленны, эти двое вооружились блокнотом из запасов Попандопуло и, вырывая его друг у друга, принялись чертить свои схемы.

К вечеру яхта украсилась ходовыми огнями. Белов приказал сбросить ход до половины, и, чуть повернув вправо, «Варяг» ушел от береговой линии, весь день маячившей по левому борту, продолжая тем не менее двигаться на запад, к Руяну. Хм. Если мы так и будем идти дальше, то к логову ушкуйников прибудем уже завтра к обеду...

С этими мыслями я и отправился спать. И уже устроиваясь в постели, под боком у сладко посапывающей жены, довольно подумал о том, что на своей яхте мне никакие правила приличия не указ, и спальня у нас с Ладой одна на двоих... Что тоже не может не радовать.

Утром меня разбудил не уже привычный, но от того не менее сладкий поцелуй Лады, а заполошный трезвон рынды и чей-то топот за дверью. Хотя почему чей-

то? Можно подумать, что кто-то кроме охранителей Особой канцелярии умеет так нагло грохотать сапогами... Правда, я их вроде бы отучал от этой дурной привычки, иногда весьма вредной в их работе, но... кажется, у нас что-то случилось.

Поцеловав только что проснувшуюся от шума жену и наказав ей не выходить из каюты без моего разрешения, я быстро оделся и, не тратя времени на бритье, двинулся выяснять, у какого идиота родилась в голове мысль использовать рынду в качестве будильника, и кто надоумил охранителей заняться шагистикой под дверьми моей каюты...

– А, Виталий Родионович, доброе утро. – Едва я оказался в коридоре, из своей спальни выглянул сонный Грац. – Вас, верно, тоже разбудил этот грохот... Что случилось, не знаете?

– Даже не предполагаю, Меклен Францевич. – Пожал я плечами. – Вот, иду разбираться.

– Вот и славненько. – Покивал профессор. – Как выясните, не сочтите за труд, сообщите и мне о причинах столь ранней пробудки, сделайте одолжение.

– Разумеется, профессор, – согласился я. Вот только что-то мне подсказывает, что как только Грац закроет дверь, он тут же рухнет обратно в постель и уснет, забыв о своей просьбе. Уж больно сонный вид был у нашего адъютанта. Хм.

Оказавшись на палубе, я, недолго думая, взлетел вверх по трапу на мостик и, не заходя в рубку, остановился у комингса. Здесь дым стоял коромыслом. Явно не выспавшийся Белов, без кителя, вглядывался в огромную полупрозрачную панель, вделанную в стол, и, не сводя взгляда с сияющих на ней точек, линий и пунктиров, отдавал команды. Повинуясь им, рулевой бешено вращал штурвал то в одну, то в другую сторону, а еще один матрос, также следуя приказам капитана, судорожно дергал рукоять корабельного телеграфа. Команды вместе с матами лились из теста рекой. Вот прозвучала еще одна, совсем мне незнакомая: «Пелена! Сброс обманки!» И сразу следом: «Самый полный вперед!» А потом полминуты тишины, и по ушам ударил довольно сильный взрыв где-то за кормой.

Белов отвалился от сияющей панели экрана и, вытерев пот со лба, повернулся ко мне лицом.

– Вот так-то, Виталий. Так и живем, – усталым голосом проговорил тесть.

– А что случилось, Важен Рагнарлович?

– Скорее уж, не случилось. – Слабо улыбнулся Белов. – Блуждающие мины. Подарочки от Нордвик Дан, так сказать. Пакостить по-крупному они опасаются, знают, что могут нарваться на ответ ушкуйников, а вот разбросать таких малюток с какого-нибудь нордвикского «купца» на торговом маршруте, да подальше от передающих телеграфных станций, это пожалуйста. Блуждающие мины, они на шум винтов реагируют. Заряд невелик, но лишить хода ушкуй или «торговца», вполне хватит. А нас такая «рыба» и вовсе ко дну пустит... М-да... Вот, дан мины сбросит, да в сторонке схоронится и ждет, пока какой-нибудь бедняга о них не споткнется. А дальше всё просто. Абордаж, корабль на дно, концы в воду. Так-то. Да только не вышло по его на этот раз. Спасибо защите вашей, уберегла. А от дана этого мы уйдем. Вряд ли его лоханка больше двадцати узлов даст...

Глава 2

Бег по волнам, иди Заяц в поде

Пока сосредоточенный Белов отдавал резкие и не всегда понятные мне команды, я пытался разобраться в происходящем. А подумать было над чем. Засада на торговом пути в исконных водах Руси и Венда, в сотнях миль от акватории данов показалась мне полной дикостью. Ведь, насколько я знаю, меж Северным союзом и Нордвик Дан войны нет... Так с чего вдруг здесь такая партизанщина началась? А если...

– Важен Рагнарлович, поведайте мне, недалекому, а этот маршрут единственный, на котором встречаются подобные сюрпризы? Или на других маршрутах корабли пропадают не реже? – осведомился я у тестя. Белов отвлекся от разглядывания панели и, медленно обернувшись ко мне, устало потер лицо.

– Хм... Остальные маршруты проходят мористее и, признаться, куда как менее спокойны, чем наш нынешний путь. – Наконец, со вздохом кивнул тесть. – Здесь-то и связь работает бесперебойно, и до берега не так далеко, да и чуть ли не в каждой прибрежной деревушке по малой миноноске[15 - Малая миноноска — по сути торпедный катер, оснащенный двумя двухтрубными минометами и машиной с парой накопителей суточного хода. Зачастую применяется в Варяжском море, в качестве прибрежного патруля.] приписано. Потому даны особо сюда и не забираются... точнее, раньше не забирались.

– А сейчас, значит, добрались, – протянул я. Наш капитан в ответ лишь рассеянно кивнул и, бросив взгляд на мягко светящуюся панель стола, вернулся к своим важным капитанским делам. Что ж, большего мне пока и не нужно. От мин ушли и ладно. А с этим странным нападением можно будет разобраться и попозже. Что-то мне говорит, что блуждающие мины не последнее новшество, ждущее нас в этих водах...

Выдавшееся таким нервным утро прошло, а к обеду бег от мин и данов и вовсе перестал быть интересной новостью. В нашей небольшой компании эта тема довольно быстро исчерпала себя, так что вскоре об утреннем происшествии напоминал лишь один из матросов, устроившийся в «вороньем гнезде» среди кучи сияющих надраенной медью приборов и время от времени телефонирующий на мостик с докладом а-ля: «В Багдаде всё спокойно».

Ну, к обеду, не к обеду, а в руянский порт Брег мы вошли еще до того, как солнце скрылось за горизонтом. И не одни. Еще за час до того, как прямо по курсу возник туманный абрис острова, вахтенный сообщил капитану, что к нам приближаются гости и идут парадным ходом. К моему удивлению, Белов не насторожился, а когда я поинтересовался у него причиной такой беспечности, пожал плечами.

– А чего опасаться, Виталий? – пыхнув трубкой, проговорил капитан, поднимаясь с удобного кресла и направляясь к выходу из салона, где нас и застало это известие. – Поверьте, в двух часах хода от порта Брег ни один дан не появится... если он не самоубийца, разумеется.

– А «гости»? – Кивнул я в сторону вахтенного.

– Наверняка дозорная пара малых рейдеров руянского флота. Из-за них, кстати, каперы данов и не суются к острову.

– Уверены, Важен Рагнарович? – Ну не терплю я подобной самонадеянности, а уж после недавнего урока в виде гонок с блуждающими минами поведение Белова и вовсе казалось мне странным.

– Полностью. – Уверенно кивнул тесть и, заметив мой скептический взгляд, со вздохом принялся объяснять: – Вахтенный их засек, когда эта пара вышла из-за Вальдемарева мыса, а за ним как раз и располагается станция адмиральской эскадры. Кроме того, корабли идут полным ходом, ничуть не скрываясь, можно сказать, демонстративно нагло идут, как только «локтевцы» здесь могут себе позволить. Понятно? В общем, можете поверить, это не пираты...

И действительно, Белов еще не успел подняться на мостик, когда корабли, о которых сообщал вахтенный, оказались невдалеке от яхты, и Белов, взглядевшись в сигнальные флаги на них, отдал приказ стравить пар. «Варяг», послушный воле капитана, уже ложился в дрейф, когда в рубке, вход в которую мне заступил помощник капитана, тихо прострекотал корабельный телеграф. Это патруль продублировал уже принятый нами сигнал... Вот интересно, это у гостей такой связист медленный, или сигнальщики такие расторопные?

Я залюбовался подошедшими кораблями. Они не были столь огромны, как уже виденный мною в порту Конуграда крейсер, но производили не менее угрожающее впечатление, благодаря низкому хищно-стремительному силуэту и более чем серьезному вооружению. Красивые быстрые корабли. Эдакие морские гончие, созданные, чтобы догнать любого лихача, а в случае встречи с превосходящим противником способные с легкостью оторваться от преследования. На фоне этих темно-серых кораблей, кажущихся чуть угловатыми, из-за упрятанных под защитные кожухи накопителей, «Варяг», сверкающий на солнце надраенной медяшкой и обширным остеклением, смотрелся совершеннейшей игрушкой, да к тому же весьма хрупкой, о чем недвусмысленно намекали внушительные жерла сдвоенного носового орудия ближайшего корабля, ненавязчиво развернувшего башню в нашу сторону. Не знаю, что там за защиту предоставил нам князь Телепнев, но если «чемодан», выпущенный из такого орудия, попадет в корпус «Варяга», думается, это станет последней секундой жизни яхты... Я передернул плечами. Иногда живое воображение перестает казаться мне столь уж хорошим качеством.

В этот момент от дрейфующего в паре кабельтовых патрульного, взявшего «Варяг» на прицел, отвалил небольшой катер и, пыхтя паровиком, направился в нашу сторону. Катер? Я проскользнул мимо прозевавшего мой маневр вахтенного и, прихватив, под укоризненным взглядом Белова, стоящий на консоли тяжелый «каролусский» бинокль, тут же покинул капитанский мостик. Присмотревшись к чуду инженерной мысли, старательно ползущему в нашу сторону, я невольно хмыкнул. Ну, если шлюпка с присобаченным к ней двигателем под небольшим навесом из парусины, здесь зовется катером, то да, это он и есть. А в нем добрая дюжина морячков, выглядящих словно братья-близнецы команды Белова. Головорезы те еще. Остается лишь надеяться, что эти деятели не попытаются растащить «Варяга» на сувениры...

Вопреки моим опасениям, взлетевшие по штурмтрапу моряки вели себя довольно мирно. Горохом рассыпавшись по яхте, они за какие-то четверть часа обшарили «Варяг», что называется, от киля до клотика и, не найдя ничего интересного, кроме тщательно принайтованных в трюме контейнеров с алкоголем, доложились своему командиру, всё это время проторчавшему в кают-компании вместе с капитаном, за увлекательным чтением судового журнала и прочей документации, прописавшейся в капитанском сейфе.

По настоятельной просьбе тестя я присоединился к их теплой компании.

– Вот, Любим, знакомься. Мой зять и владелец «Варяга», Старицкий Виталий Родионович, – весело проговорил Белов, представляя меня своему собеседнику. Командир досмотровой группы, сухой и жилистый дядечка, лет так сорока с гаком, окинул меня ленивым взглядом. Не знаю уж, что он там углядел, но спустя мгновение ушкуйник едва заметно кивнул и, приподнявшись с кресла, протянул мне руку.

– Полусотник Климин, Любим Будеславич, – проговорил знакомец тестя.

– Рад знакомству, – коротко ответил я, пожимая протянутую мне ладонь. А вот вертевшийся на языке вопрос о странном звании гостя, решил отложить до более удобного момента.

– Взаимно, Виталий Родионович. – Холодно усмехнулся Климин и повернулся к тестю. – Что, никак выполнил волю женушки, а, Важен?

– Выполнил, Любим. Выполнил. – Довольно хлопнул по подлокотнику кресла тесть.

– Вот как? А отчего ж тогда лайба эта на ушкуй нимало не похожа, а? Уж больно утлое суденышко.

– Ну-ка, ну-ка, это где же это записано, каким ушкуй быть должен? – Прищурился Белов.

– Ну, пусть не написано. – Хмыкнул Климин и кивнул мою сторону. – Да всё одно сей рожи я что-то ни в Конугrade, ни в Арконе не видывал. Или скажешь, что и об ушкуйниках записей нема?

– А это как посмотреть, Любим, – протянул Важен. – Давай-ка, старый, вспоминай, кто по уложению ушкуйником считаться может...

– Тю, так он не природный... – Махнул рукой Климин.

Я наблюдал за перепалкой старых знакомых, и мне всё меньше и меньше нравилось происходящее. Черт бы с ним, что меня «рожей» поименовали, но вот хаять «Варяга» полусотнику совсем не стоило. О его снисходительном взгляде на меня, после слов о «природных ушкуйниках», и вовсе говорить нечего. Не люблю спесивцев. Но придется пока промолчать. Я хоть и владелец яхты, но сейчас именно капитан здесь, что называется, царь и бог, это его переговоры, и лезть в них без спросу категорически нежелательно.

– М-да уж. Говорили ведь тебе, Важен, не уезжай с Руяна. Глядишь, выдал бы дочь замуж за настоящего ушкуйника, природного да владного. А ты...

– Любим, ты забываешься... – резко оборвал полусотника тесть, ощерившись в злой ухмылке. Словно клыки показал.

– Действительно, что это я, – тут же согласился Климин и, деланно-сокрушенно покачав головой, встал из-за стола. – Заговорили вы мне зубы, господа хорошие, а время-то идет. Я уж почитай полчаса как на «Резвом» должен быть.

– Ну да, ну да. – С готовностью покивал тесть, недобро сверкнув глазами, и, в свою очередь, поднялся с кресла. Я же остался на месте, поскольку выказывать какое-либо уважение к полусотнику не собирался. Да и вообще, что он маленький, что ли? Сам дорогу не найдет, так вон, капитан наш покажет, еще и пинка для ускорения отвесит.

– Вот и поздоровались, – со вздохом проговорил Белов, убедившись, что полусотник покинул яхту.

– М-да уж, не самое приятное приветствие. – Хмыкнул я.

– Ну, не всё так уж печально, Виталий. – Тесть аккуратно выбил трубку и тут же принялся набивать её заново. – Климин – желчный человек, то всяк на Руяне знает. Но ни дел худых, ни помыслов за ним не замечали. А что резок не в меру, так места здесь такие, что любой добряк через полгода злее зимнего волка станет... Хотя язык бы я ему с удовольствием укоротил, – помолчав, с легким вздохом договорил Белов, отправляя в полет очередное облако ароматного дыма.

– В очередь, в очередь, уважаемый Важен Рагнарлович. – Усмехнулся я.

– Эк зацепило-то, а, Виталий? – Хмыкнул в ответ тесть, аккуратно выбивая трубку. – Ништо, будет и на нашей улице праздник. Дай только в порт войти, а уж там-то мы с господином полусотником в первом же кружале посчитаемся... по-нашему, по-ушкуйному.

– Вот кстати, Важен Рагнарлович, а что за звание такое странное у этого Климина?

– Традиция. – Пожал плечами тесть. – Со времен Ингваря Флотоводца на каждом корабле регулярного флота полагалось иметь полусотню абордажников. Понятно, что сейчас серьезной необходимости в подобных командах нет. Нигде, кроме Руяна. Уж больно места здесь лихие, так что нет-нет, но рейдерам приходится и купцовы лайбы у данов отбивать, а одними пушками такого дела не сделаешь. Вот и держит руянский отряд рейдеров на каждом корабле по полусотне бойцов, как Ингваревым рескриптом предписывалось. Оттого и командиров абордажных команд величают полусотниками, хотя в судовой роли они сейчас значатся то лоцманами, то третьими помощниками капитана, а самих

абордажников в палубные матросы вписывают.

– То есть, получается, Климин на государственной службе состоит? Что ж он тогда в дела ушкуйные полез?

– Так-то оно так, да не так. – Пригладил короткую «шкиперскую» бородку Важен Рагнарович. – Ингварев рескрипт хоть и княжья воля, да только времени с тех пор уж больно много прошло, да и уставы на флотах ныне совсем другие. Потому официально никаких абордажных команд на флоте нет. Вот и изворачивается адмирал Локтев, рядится с теми ушкуйниками, что по какой-то причине на берегу сидят, да и набирает из них абордажные команды на свои корабли. Вот и Климин к нему подался, как старшему сыну свой ушкуй отдал.

– Однако. – Я покачал головой. Оказывается, ушкуйники не только каперами бывают, но и «честными наемниками»... Хм.

Меня отвлек от размышлений трезвон корабельного телефона. Тесть поднялся с кресла и ответил на звонок.

– Иду. – Вернув трубку на рычаг, отчего висающий на стене аппарат тихонько тренькнул, тесть обернулся ко мне лицом и кивнул. – Пора. Если понадобится, телефонируйте на мостик, я буду там. Через час войдем в порт Брег, и, Виталий...

– Да?

– Пока мы не ошвартуемся, чтобы на мостике я тебя не видел! Ясно?! – вдруг рявкнул капитан.

– Так точно! – Меня аж с кресла выкинуло от рева тестя.

– То-то же. – Ухмыльнулся Белов и, подмигнув, исчез за дверью.

– Ну да, а после швартовки я туда и сам не пойду, – проворчал я, возвращаясь в кресло. Вот только посидеть спокойно мне в нем не дали. Стоило мне опустить свою пятую точку на мягкий пружинный диванчик, как в каюту заглянул подшефный наших дам. Попандопуло обвел взглядом помещение и, заметив

меня, радостно сверкнул своими греческими очами. Понятно. Начинаем сборы.

Заходить в нашу с Ладой каюту, честно говоря, мне не хотелось. Припрягут-с. Но куда деваться? За время нашего недолгого путешествия по Варяжскому морю огромное количество вещей оказалось вытянуто из саквояжей и чемоданов, и теперь нужно было все их утрамбовать обратно, да не абы как, а исключительно так, «как должно», по выражению моей супруги.

Нет, к костюмам, платьям и прочим предметам туалета Лада бы меня не подпустила, этим она займется сама, поскольку опять же «так должно». А вот мои многочисленные записи, письменные приборы и прочие мелочи, неведомо каким образом умудрившиеся расползтись по нашей каюте, супруга оставила на моей совести. Особенно я удивился, выудив из конторки свой «сварскольд» и полный набор для его чистки... Как он там оказался, ума не приложу. Насколько помню, саквояж с оружием я даже не открывал на «Варяге». А вот поди ж ты...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Городской свадебный обряд — упрощенное по сравнению с традиционными, действо, получившее свое название с распространением в городской среде так называемой, «малой семьи».

2

Хельговичи — здесь потомки Олега (Хельги), прозванного Вещим, сподвижника и советника Рюрика, правившего от его имени Альдегьюборгом (ныне город Старая Ладога).

3

Гостомысловы – здесь потомки Гостомысла, князя Хольмградского, отца Рюрика Ютландца, ставшего первым князем Ладожским (Альдегьюборгом), а позднее, по смерти отца и Хольмградским, что позволило ему назваться Великим князем и начать сбор славянских земель под свою руку. Отсюда и второе, куда более известное в нынешней Руси, прозвище Рюрика – Собиратель).

4

Булан – здесь полулегендарный иудейский военачальник, чьи потомки правили независимой Хазарией до её поражения в войне со Святославом Хольмградским, внуком Рюрика. После этого поражения Хазарский каганат вошел в состав Руси на правах зависимого княжества, правителя которого назначал только Великий князь Хольмградский.

5

Конуград (Кёнигард, Город Правителей) – город на границе Руси и Венда, возникший на месте небольшого приморского поселения, в котором был заключен первый договор меж свеями, вендами и русичами. Впоследствии, вплоть до конца семьдесят второго столетия (XVII века от Р.Х.) был официальным местом встреч монархов Северной Европы, отсюда и название. Начиная с семьдесят третьего столетия превратился в один из портов Великой

Ганзы, часто используемый в качестве запасной базы ушкуйников. В нашем мире на его месте расположен Калининград.

6

Золотые пояса (Сто золотых поясов, Господа) – обобщенное прозвище представителей боярских и торговых родов Хольмграда, в прошлом оказывавших немалое влияние на жизнь русской столицы и бывших своеобразным городским парламентом. С течением времени открытая политическая власть «поясов» была задавлена государями Руси, и Господе пришлось возвратиться к тому, с чего и начиналась когда-то их слава, к торговле. Тем не менее до сих пор принадлежность к «золотым поясам» является предметом гордости старых боярских родов и семейных торговых домов, а их представители неизменно участвуют в Большом совете Ганзейского союза, представляя в нем четверть всех русских «ганзейцев».

7

Женский и мужской день — соответственно второй и третий день после свадьбы, когда молодые приходят в дом к родителям. На второй день навещают родителей невесты, а на третий – родителей жениха. Навестив родителей жены, жених со товарищи оставляют молодую с ними, вроде как для прощания, а сами, по идее, отправляются в дом новобрачных, чтобы навести там порядок... Естественно, дело заканчивается пьянкой (но не запоздавшим мальчишником, за такое можно и поплатиться, а уж слава дурная так точно не минует. Зато гульба с угощением всех встречных поперечных и мордобоем вполне себе в порядке вещей).

8

Венедские короли – поморяне, после поражения, нанесенного ими Роскилльскому Волку, низложили «назначенного» Акселем Абсалоном венедского короля, служившего ширмой для этого «серого кардинала» – ставленника Вальдемара I, необходимой ему, поскольку князьям церкви было запрещено возлагать на себя знаки мирской власти.

Собственно, до появления на горизонте ушлого Роскилльского Волка, у венедов не было никаких королей, но, сместив неугодного правителя, совет вождей решил оставить этот институт власти (кстати, при полной поддержке русичей и свеев, князьям которых было легче договариваться с единым представителем поморян, чем со всем их советом), и возложили корону «на достойнейшего» – кнеса Водима, чьи потомки до сих пор правят Вендом, являясь одной из старейших монархических династий в Европе.

9

Загадка Города Семи Мостов — издревле так называли Кенигсберг. А загадка довольно проста и не менее стара, чем это прозвище. Звучит она так: можно ли пройти по всем семи мостам города, не ступив ни на один из них более одного раза? Решить эту загадку, математически, смог Леонард Эйлер со своей знаменитой теорией графов.

10

Попандопуло, Авенир Николаевич (01.05.1920— 24.05.1988) – доктор технических наук, профессор, советский шахматный композитор, международный мастер и международный арбитр по шахматной композиции.

11

«Золотая лань» – здесь намек на флагманский корабль сэра Френсиса Дрейка, галеон, изначально называвшийся «Пеликаном», и переименованный знаменитым пиратом и мореходом в первом же его походе, в честь покровителя Дрейка – лорда-канцлера Кристофера Хаттона, в гербе которого как раз и была изображена лань. Правда, помимо этого «животного», сэр Френсис увел у лорда и его фамильный девиз: «Cassis Tutis Sima Virtus» (прим, перевод: «Храбрость – лучшая защита»). Но сведений об отношении самого Хаттона к такому поведению своего протеже история не сохранила, а потому, на мой взгляд, и Виталий Родионович вполне может, в свою очередь, «позаимствовать» название корабля у знаменитого пирата.

12

Банковский телеграф — считается одним из надежнейших способов передачи информации. Условия его работы таковы, что существует даже возможность составления документов и заверения подписей отправителей, имеющих такую же силу, как если бы такие документы и подписи были засвидетельствованы стряпчими.

13

Судовые накопители устанавливаются парами. Минимальное количество пар – одна (в такой установке один накопитель работает, второй находится в «спящем» режиме, до полной разрядки первого, после чего пустой активный накопитель глушится и ставится на зарядку, а его работу исполняет т. н. подменный накопитель).

14

Адмиральский час – здесь традиция, согласно которой, перед началом и по истечении первой вахты (т. е. восемь склянок или четыре часа), капитану, либо

его первому помощнику, на мостике подавался полный кофейник и рюмка коньяка (либо водки, либо эрийской виски, в зависимости от наличия продукта на корабле). В РИ же это укоренившееся со времени Петра I шуточное выражение, обозначающее час, когда следует приступить к водке перед обедом. Как сам Петр, так и его сподвижники – сенаторы и члены коллегий – прерывали заседания присутствий для обеда в 11 часов и, возвращаясь домой, заходили выпить водки в устроившиеся тогда австери.

15

Малая миноноска — по сути торпедный катер, оснащенный двумя двухтрубными минометами и машиной с парой накопителей суточного хода. Зачастую применяется в Варяжском море, в качестве прибрежного патруля.

Купить: https://tellnovel.com/demchenko_anton/samozvanec-po-osobomu-porucheniyu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)